

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПЕТРУШЕНКО Мария Федоровна
Выпускная квалификационная работа

**МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ «МЯГКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ» РОССИИ В
СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ УСЛОВИЯХ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
RUSSIAN “SOFT SECURITY” MECHANISMS IN TERMS OF MODERN
INTERNATIONAL AFFAIRS: POLITICAL ANALYSIS**

Направление 41.06.01 - «Политические науки и регионоведение», основная
образовательная программа аспирантуры «Международные отношения и мировая
политика»

Научный руководитель:

д.п.н., профессор

МАРКУШИНА Н.Ю.

Рецензенты:

Санкт-Петербург

2018

Оглавление

Введение.....	3
ГЛАВА I Теоретические основания исследования российской политики “мягкой безопасности” в современных международных условиях.....	7
1.1. Расширение онтологии категории “безопасность” в современных международно-политических исследованиях.....	7
1.1.1 Подход английской школы теории международных отношений к изучению проблем безопасности. Теория международного общества Х. Булла и М.Уайта.....	8
1.1.2 Подход школы мирных исследований к изучению проблем безопасности: теория структурного насилия Й. Галтунга и теория секьюритизации Б.Бузана и О. Вэвера.....	9
1.2. Аналитические категории концепции “мягкой безопасности”.....	11
1.3. Эволюция российского подхода к обеспечению безопасности.....	14
ГЛАВА II Российские внешнеполитические механизмы обеспечения “мягкой безопасности”	19
2.1. Механизмы региональных интеграционных объединений с участием России	20
2.1.1 Механизмы субрегиональных интеграционных объединений Нового Севера.....	20
2.1.2 «Рамочные» механизмы внутри крупных региональных объединений.....	33
2.1.2.1 Механизмы СЕ и ОБСЕ.....	33
2.1.2.2 Механизмы ОДКБ и СНГ.....	41
2.1.2.3 Механизмы ОЧЭС, ШОС и БРИКС.....	45
2.2 Российское содействие международному развитию.....	53
Заключение	60
Список источников и литературы.....	63
Приложения.....	74

Введение.

Актуальность темы исследования. Современный этап мирополитического развития определяет уверенный процесс рамификации социальных, экономических, политических и прочих взаимодействий. Продолжает складываться и новая система международных отношений, насущным вопросом для которой остается роль государства в управлении процессами меняющейся архитектуры мира. Такая ключевая категория международно-политической науки, как безопасность, в том числе, претерпела существенную трансформацию в последней четверти XX века и продолжает наполняться новыми смыслами на фоне актуальной матрицы вызовов и угроз мировому сообществу в целом и отдельной личности, в частности. Таковыми вызовами и угрозами стали глубокий экологический кризис, распространение оружия массового уничтожения, социальное неравенство, организованная преступность, коррупция, международный терроризм, нелегальная миграция, наркотрафик, инфекционные заболевания и ряд других региональных и глобальных проблем. Их всех объединяет отличная от традиционной геополитической парадигмы международных отношений “мягкая” природа: они действуют напрямую на общество и индивида, минуя уровень государства; исходят не напрямую от государств, а являются ударными волнами их политического вулканизма, либо исходят от негосударственных акторов; методы борьбы с ними требуют комплексного подхода – привлечения к сотрудничеству широкого круга акторов, выработки долгосрочных стратегий, принятия превентивных мер.

Постепенное расширение онтологии безопасности в сторону социального измерения привело к смещению референтного объекта безопасности от государства к обществу и человеку и обозначило, как следствие, проблему метода обеспечения безопасности. Параллельной тенденцией в сфере безопасности стал процесс “девелопментализации”: корреляции проблем безопасности и развития. В международно-политической практике расширительное толкование безопасности заняло свое место в определенной части подходов к ее обеспечению, включая ряд таких крупных международных инициатив, как Хельсинские соглашения Совецания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1974 г., концептуальные основы Программы развития ООН (ПРООН), Глобальная повестка дня в области развития (ГПДР) до 2030 года.

Отражая продолжающийся процесс трансформации категории “безопасность” с момента распада Биполярной системы в сторону антропоцентричности, концепция “мягкой безопасности” представляется, таким образом, многомерной аналитической матрицей, способной дать характеристику степени “встраиваемости” государств в мирополитические реалии. Опорными категориями концепции выступают объект безопасности (человек и общество), субъект безопасности (государство, гражданское общество, бизнес-сообщества и др.), методы обеспечения безопасности (невоенные и превентивные меры, стратегии развития, географические рамки объекта безопасности).

После распада Советского Союза Россия выбрала демократический путь развития и провозгласила ключевыми принципами своей внешней политики многовекторность и активную интеграцию в мировые политические процессы. Так, Россия стала участником вышеперечисленных глобальных и региональных подходов к безопасности.

Объект, предмет, цели и задачи исследования. На фоне турбулентности¹ современного мира и постепенного процесса трансформации российского подхода к обеспечению безопасности, в том числе, в соответствии с глобальными и региональными тенденциями, актуальной целью исследования представляется анализ механизмов обеспечения Россией “мягкой безопасности” в современных международных условиях. Соответственно, объектом исследования выступает российская внешняя политика, а предметом – политика “мягкой безопасности”. Задачи исследования определил анализ двух наиболее системных с точки зрения функционирования механизмов обеспечения “мягкой безопасности” российских внешнеполитических “коридоров”: политики в соответствующих международных региональных интеграционных объединениях и политики содействия международному развитию. Таким образом, первой задачей исследования стало определение и оценка механизмов обеспечения “мягкой безопасности” в рамках крупных региональных и субрегиональных объединений и выявление особенностей российской политики в них (с фокусом на аналитическую категорию “методы обеспечения безопасности”). В выборочную совокупность вошли 15 интеграционных региональных объединений, классифицируемые в две группы механизмов, различаемых по степени своей детализированности, интенсивности и комплексности. Второй задачей исследования стало определение и оценка механизмов

¹ Rosenau James N. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton University Press, 1990. Pp. 480.

российской политики содействия международному развитию в вопросах “мягкой безопасности”.

Историография. Представляя собой целый комплекс субъектно-объектных отношений, разворачивающихся в пространстве и во времени, “мягкая безопасность”, как правило, становится полем для анализа в различных узкопредметных пересечениях своих структурных элементов: видов безопасности, уровней безопасности и методов/подходов к ее обеспечению. Как в российских, так и в зарубежных исследованиях международных отношений в области безопасности с российским участием, предметом анализа часто становятся отдельные виды безопасности: энергетическая, экологическая, экономическая, информационная, продовольственная и др.

С точки зрения уровней безопасности особое место занимают исследования региональных систем “мягкой безопасности”. Наиболее ярким примером является североευропейский регион. Ряд работ (Маркушина Н.Ю., Коньшев В.Н, Сергунин А.А. Бусыгина И.М.) посвящены исследованию международной программы “Северное измерение”, в частности, и развитию концепции “Нового севера” в целом. Исследовательский интерес очевидно обусловлен политическими реалиями региона.

В категории “методы обеспечения безопасности” множество работ посвящено исследованию роли гражданского общества в российской внешнеполитической деятельности, в частности, и компонентам публичной политики и публичной дипломатии в целом, однако сама “мягкая безопасность”, как правило, не является теоретическим контекстом для таких исследований. Исключением стал научный проект “Публичная политика в сфере “мягкой безопасности” и демократического развития: балтийское измерение.” В рамках проекта авторами Макарычевым А.С. и Горным М.Б. был проведен наиболее глубокий анализ теоретического концепта “мягкая безопасность” среди отечественных и зарубежных исследований.

Важную составляющую в категории “методы обеспечения безопасности” с точки зрения временной компоненты, а соответственно, с точки зрения “позитивного” измерения безопасности, играют исследования концепта связка “безопасность-развитие”. Изучением связки в отечественных исследованиях занимается Центр проблем безопасности и развития при МГУ. Среди авторов – Бартенев В.И., Глазунова Е.Н., Юдин Н.В. и др. Однако, предметом исследования связки в данных работах пока становилась преимущественно “жесткая” безопасность, угрозы региональных конфликтов.

В свою очередь, российское содействие международному развитию в отечественной науке исследуется преимущественно либо с точки зрения экономической науки, где ключевыми категориями анализа являются объемы оказываемой помощи, перспективы развития экономических отношений со странами-реципиентами и экономического роста всех участников процесса (Ермолов М.О., Дегтерев Д.А., Белецкая М.Ю., Зайцев Ю.К. и др.), либо в рамках политической науки, в том числе, в качестве инструмента формирования имиджа страны в контексте политики “мягкой силы”, где предметом анализа являются снова объемы оказываемой помощи, форматы оказания помощи (двусторонние/многосторонние), институционализация российской системы СМР, информационное сопровождение СМР (Дегтерев Д.А., Рахмангулов М.Р., Нил К., Маркова С., Левкин Е.В. и др.). Наиболее близкую исследовательскую нишу рассматриваемой проблеме составляют некоторые работы в рамках вышеупомянутых исследований связки “безопасность-развитие”. Среди авторов – Бартенев В.И., Глазунова Е.Н., Максимова А.В., Попова О.П. и др. Однако, теоретической основой данных исследований не становилась концепция “мягкой безопасности”, поэтому среди исследуемых аспектов российского СМР отсутствует предметная корреляция задач программ помощи с противостоянием вызовам и угрозам “мягкой безопасности”.

Методология исследования основана на применении системного подхода к анализу механизмов обеспечения “мягкой безопасности” в рамках предложенной аналитической матрицы концепции. Детализированный анализ структуры некоторых механизмов позволили провести совокупность методов картирования, включая акторный анализ. Результатом такого анализа стали разработанные автором пять приложений к материалам исследования. Анализ российской политики в рамках исследуемых механизмов проведен с помощью контент-анализа и вышеупомянутого системного подхода. Материалами для исследования стали несколько групп источников: ряд российских доктринальных документов, договорно-правовые акты, декларации и справочные материалы интеграционных объединений, отчеты и заключения рабочих групп и координационных советов интеграционных объединений, справочные материалы Министерства иностранных дел РФ, материалы СМИ, содержащие заявления ряда российских и политических деятелей, итоговые коммюнике председательств России в интеграционных объединениях и др.

Научная новизна работы состоит в систематизации и классификации внешнеполитических механизмов обеспечения Россией “мягкой безопасности”, в

выявлении ключевых и наиболее эффективных интеграционных практик/форматов в международно-политическом сотрудничестве с участием России, а также в обозначении перспектив дальнейшего развития исследуемой практики.

ГЛАВА I Теоретические основания исследования российской политики “мягкой безопасности” в современных международных условиях.

1.1 Расширение онтологии категории “безопасность” в современных международно-политических исследованиях.

Со второй половины XX века на фоне роста взаимозависимости мира и процессов глобализации активное развитие и институционализацию получает исследовательское направление, синтезирующее традиционные подходы международно-политической теории и методологию социологической науки. По мнению П.А. Цыганкова речь не идет о сложившейся автономной дисциплине “социология международных отношений”, однако правомерно утверждать о том, что совокупность наиболее распространенных проблематик и методов социологии заявили о своей альтернативности/статусе теоретической надстройки традиционным теориям международно-политической науки².

Понятие “национальный интерес”, центральное для политической теории международных отношений, в социологическом направлении “передает” свою значимость категориям “ценности”, “нормы”, “идентичность”. Мир с его расширяющимися сетями взаимодействий всё больше предстает как единое пространство, как потенциальное “глобальное гражданское общество”³. Роль социальных норм и институтов, таким образом, дополняет традиционную аналитическую цепь “государственный интерес - рациональная политика - баланс сил” новыми компонентами мотивации акторов международных отношений. В свою очередь, международная безопасность в социологическом направлении теории международных отношений получает расширительное толкование, смещая акцент от государства, как объекта безопасности, к

² Цыганков А. П., Цыганков П. А. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс. — 238 с.. 2006

³ Там же

человеку, и от внешнего врага, как источника угроз, к целому ряду факторов, зачастую внутригосударственного происхождения.

1.1.1 Подход английской школы теории международных отношений к изучению проблем безопасности. Теория международного общества Х. Булла и М.Уайта.

Своими корнями социологическое направление международных отношений уходит в работы английской школы ТМО. В 1960-е гг. развитие получает концепция “международного общества”, разрабатываемая Мартином Уайтом и Хэдли Буллом. Согласно авторам, международное общество - это объективно существующая реальность, следствие процессов усиления взаимозависимости в международных отношениях. Стремление каждого государства к безопасности обуславливает его заинтересованность в заключении и выполнении международных соглашений. При этом общество государств неизбежно трансформируется в общество людей. Соответственно, международный порядок, как “регулирование межгосударственных взаимодействий, создающее и поддерживающее определенные ценности и нормы”⁴, трансформируется в мировой порядок, масштабируя общественное сознание до некой формы “глобальной идентичности”. “Государства представляют собой объединения людей”, - отмечает Х. Булл, “а люди могут быть объединены и по многим другим признакам”⁵.

Характерным свойством международного общества становится его стремление к созданию многосторонних институтов для поддержания стабильности международных отношений. Виды взаимодействия государств внутри институтов множатся по мере усиления их взаимозависимости, отвечая на всевозрастающее обострение более существенных проблем человеческой жизни. Оно становится как политическим, так и экономическим, социальным, культурным, технологическим, энергетическим и т.д. Ключевым механизмом поддержания стабильности в новых реалиях выступает международное право. Институционализация межгосударственных отношений согласно сторонникам английской школы, как следствие, стремится к становлению некоего “неформального института “глобального управления”⁶. Его отличием от прежней системы будет принципиально иной механизм формирования связей - “снизу вверх”, что позволит

4 Цыганков П. А. Теория международных отношений. — М.: Гардарики, 2002, стр. 159

5 H. Bul, *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*, С 19

6 Цыганков П.А.. *Международные отношения*. 1996

точнее определять потребности общества и эффективнее реагировать на вновь возникающие вызовы. Вместе с тем, важное значение приобретает формирование широкого ряда институтов и механизмов, что позволило бы развивать и преумножать межгосударственное сотрудничество.

1.1.2 Подход школы мирных исследований к изучению проблем безопасности: теория структурного насилия Й. Галтунга и теория секьюритизации Б.Бузана и О.Вэвера.

Огромный вклад в расширение трактовки безопасности в сторону социального измерения внесли теоретики школы мирных исследований. Так, автор концепции “позитивного мира” Йохан Галтунг считает, что истинные и долговечные мир и безопасность достижимы только при избавлении мира от структурного насилия, что представляет собой гораздо больше, чем избавление от войны или устранение других прямых угроз безопасности⁷.

Используя принцип изоморфизма⁸, Й. Галтунг анализирует межгосударственное взаимодействие с помощью теории социальных групп, где государство, таким образом, становится тождественным индивиду. Одним из главных достижений норвежского исследователя в международно-политической науке стал вывод о причинно- следственных связях между статусом государства и степенью равноправия в его взаимодействии с другими государствами.

Исследуя проблемы мира с помощью социологического подхода, норвежский исследователь классифицирует насилие, выделяя его культурный, структурный и прямой тип. Три типа насилия формируют конфликт, развиваясь последовательно: культурное насилие порождает структурное, а структурное приводит к прямому (война, как крайняя форма проявления). Структурное насилие согласно Й. Галтунгу - это форма насилия, при которой некая социальная структура, система институтов или набор социальных установок могут причинить вред человеку, ограничивая его в удовлетворении его базовых потребностей⁹. Примерами такого насилия в обществе являются национализм, расизм, сексизм, эдалтизм и прочие проявления социальной несправедливости. Примером такого

7 Bjørn M. European Security: The Roles of Regional Organisations. // Ashgate Publishing. 2012. С. 1 [Электронный ресурс] URL: <https://goo.gl/eMWmrn> (дата обращения: 05.07. 2017).

8 Математический термин, обозначающий тождественность структур исследуемых объектов.

9 Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research. // Journal of Peace Research, Vol. 6, No. 3 (1969), pp. 167–191

насилия на международном уровне является сложившаяся мировая капиталистическая система - легитимная форма эксплуатации, породившая зависимость периферии от центра мирового хозяйства. Вслед за классификацией насилия Галтунг разделяет мир на “негативный” и “позитивный”, где последний представляет собой больше, чем отсутствие прямой угрозы конфликта и военного противостояния, а соответственно, предполагает формирование таких отношений в обществе, которые бы предоставляли индивиду максимальное число возможностей для его самовыражения и развития.

Оценивая современное состояние мира, Галтунг обозначает его четыре ключевые угрозы: насилие, экологический кризис, бедность и нарушение человеческих прав. При этом частные решения современных проблем вроде контроля над вооружениями или транзита финансов и технологий в развивающиеся страны, по мнению исследователя, не способны устранить корень проблемы - структурные причины.

В конце XX века в рамках школы мирных исследований получила распространение теория секьюритизации, согласно которой категория “безопасность” имеет конструируемую природу. Представители Копенгагенской школы международных отношений Барри Бузан и Оле Вэвер определяют секьюритизацию, как процесс возведения какой-либо проблемы в статус угрозы посредством политического дискурса. Процессу, соответственно, предшествует политизация проблемы, то есть предварительное включение вопроса в зону политической ответственности, придание ей политической значимости. Секьюритизация, в свою очередь, ставит целью мобилизацию ресурсов для устранения угрозы безопасности, легитимность на осуществление экстренных мер.

Учитывая конструктивистскую природу феномена, подчеркиваемую исследователями, его структура, таким образом, включает в себя и действующие лица: субъект безопасности (единица, которая секьюритизирует проблему и/или обеспечивает ее разрешение) и объект безопасности (единица, на которую направлена угроза). Процесс секьюритизации становится, таким образом, средством для выстраивания той модели безопасности, которая является релевантной/необходимой для конкретного общества.

Деконструируя традиционное позитивистское толкование безопасности в категориях объективной государство-центричной модели, Копенгагенская школа выделяет пять секторов безопасности: военный, политический, экономический, социальный (социетальный), экологический. Так, референтным объектом безопасности государство в полной мере выступает исключительно в военном секторе и в определенном смысле в экономическом. В остальном, референтным объектом безопасности становятся человек,

его нужды и благосостояние, а также социальные нормы и идентичности. Кроме того, как подчеркивает профессор А.С. Макарычев, теория секьюритизации “дает больший, чем традиционные теории, простор для участия независимых экспертов и неправительственных организаций в дебатах по безопасности и лишает государство монополии в этом вопросе”¹⁰.

Школа мирных исследований, таким образом, как отмечает профессор А.А. Сергунин, настаивает на том, что «безопасность нужно определять как общественный порядок, который обеспечивает не только защищенность социума, но и условия, благоприятствующие наиболее полному раскрытию творческих способностей индивида, социальных групп, этносов и конфессий и пр.»¹¹

1.2. Аналитические категории концепции “мягкой безопасности”.

Процессы глобализации во главе с технологической революцией усилили взаимозависимость государств мира, создав, с одной стороны, массу возможностей для экономического развития, культурного и социального обмена, с другой - породив турбулентные “зоны”, приумножающие вызовы и угрозы для современного общества. Таковыми стали стали глубокий экологический кризис, распространение оружия массового уничтожения, социальное неравенство, организованная преступность, коррупция, международный терроризм, нелегальная миграция, наркотрафик, инфекционные заболевания и ряд других региональных и глобальных проблем. В академическом дискурсе нет единого мнения о полном содержании списка “новых” угроз и вызовов, однако ряд современных подходов к безопасности (во главе с социологическим направлением ТМО) сегодня сходятся в признании их “мягкой” природы: они действуют напрямую на общество и индивида, минуя уровень государства; исходят не напрямую от государств, а являются ударными волнами их политического вулканизма, либо исходят от негосударственных акторов; методы борьбы с ними требуют комплексного подхода –

10 Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России Под ред. Л.Б.Вардомского и С.В.Голунова. // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.obraforum.ru/book/chapter1.htm> (дата обращения: 05.07. 2017).

11Сергунин А.А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис: Политические исследования. 2005. №6. С.128

привлечения к сотрудничеству широкого круга акторов, выработки долгосрочных стратегий развития, принятия превентивных мер.

Расширение онтологии безопасности в международно-политических исследованиях в сторону социального измерения привело к трансформации и международно-политической практики. Так, подход скандинавской школы к исследованию проблем мира возымел своим следствием, с одной стороны, смещение референтного объекта политики безопасности от государства к обществу и человеку, а с другой - тенденцию к “девелопментализации безопасности”: корреляции проблем безопасности и развития, - прежде рассматриваемых параллельно. Тенденции нашли отражение в трех, пожалуй, ключевых в этом смысле международно-политических достижениях: в третьей корзине мер Хельсинских соглашений Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года (человеческое измерение: защита прав человека, развитие демократических институтов); затем в озвученной в 1993 году в докладе ПРООН о человеческом развитии концепции “человеческой безопасности”: “свобода от страха” (защита от насилия) и “свобода от нужды” (борьба с неравенством, бедностью, болезнями и защита окружающей среды); и в принятии концепции “устойчивого развития” в качестве общемировых целей в рамках Саммита тысячелетия ООН в 2000 году. В 2015 году Глобальная повестка дня в области устойчивого развития была обновлена, теперь включив в себя вопросы обеспечения мира, безопасности и качества управления в формулировке цели № 16 - “Содействие построению миролюбивых и открытых обществ в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях”. Здесь стоит отметить, что на этапе согласования цели такое обновление повестки сопровождалось длительной полемикой между развитыми западными странами (G7+) и “восходящими державами” (Бразилия, Россия, Индия и Китай). Ее предметом стал алармизм последних по поводу вероятности политической ангажированности инициативы стран Севера. Вместе с тем, случившийся спор обозначил разницу в подходах к трактовке безопасности двух групп оппонентов: в предлагаемую формулировку цели¹², как отмечает исследователь В.И. Бартенев, развитые страны вкладывали широкое толкование мира, включающее не только его “негативное”, но и “позитивное” (по теории Й. Галтунга)

¹² До момента принятия ГПДР, на стадии дискуссии, цель была сформулирована как “Предотвращение конфликтов, постконфликтное миростроительство и обеспечение устойчивого мира, верховенство закона и управление”.

измерение, и широкое толкование безопасности, включающее не только и не столько военно-политические вопросы, сколько “человеческую безопасность” в целом¹³.

“Мягкая безопасность” является официальной внешнеполитической парадигмой Европейского Союза (ЕС). При этом, будучи законодательно закрепленным, термин англосаксонского происхождения “soft security” по-разному трактуется при переводе документов двадцатью тремя другими локальными культурно-лингвистическими контекстами ЕС¹⁴.

Европейский подход к безопасности нашел отражение в концепциях ряда региональных структур, созданных при лидирующем участии Евросоюза. Так, наиболее детализированной из них является стратегия безопасности Совета государств Балтийского моря (СГБМ). Организация трактует “мягкую безопасность” как “совокупность множества различных аспектов безопасности (от благосостояния до физической безопасности), в которых референтный объект (человек, общество – М.П.) находится в состоянии защищенности при полном отсутствии или как минимум с очень низкой долей вероятности возникновения угроз или неизбежных рисков¹⁵”. Опираясь на понятие “социетальной безопасности”, которое согласно теоретикам Копенгагенской школы определяет способность общества сохранять свой уникальный характер в изменяющихся условиях, политика “мягкой безопасности” в Балтийском регионе, таким образом, становится мерами по созданию системы институтов и практик, основанных на согласованном подходе (диалог, общие нормы и ценности) и на стремлении к социальной инклюзивности и интеграции.

Концепция “мягкой” безопасности, войдя в международный политический дискурс, пока не получила системного теоретического осмысления. И российские, и зарубежные авторы зачастую интерпретируют “мягкую безопасность” как исключительно комплекс невоенных или нетрадиционных вызовов и угроз безопасности. Немногие авторы отмечают антропоцентричность концепции, и еще меньшее число исследователей анализируют методы обеспечения безопасности через призму “мягкого” подхода. При этом исходя из эволюции теоретического осмысления категории безопасность и

13 Баргенов В.И. Формирование глобальной повестки дня в сфере устойчивого развития после 2015 года // Вестник международных организаций. Т. 10. №3. 2015. С. 7 – 32.

14 Kavaliūnaitė S. Comparative analysis of concepts “soft security” and “soft power” in EU legislation // Mykolas Romeris University. 2002 – 2013. [Электронный ресурс]. URL: <https://repository.mruni.eu/handle/007/12172?show=full> (дата обращения: 19.07. 2017)

15 Soft security and migration Conference report. // [Электронный ресурс]. Council of the Baltic Sea states. URL: <http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2017/12/REPORT.pdf> (дата обращения: 01.04. 2018).

актуальных мирополитических процессов, концепция “мягкой безопасности” представляется многомерной аналитической матрицей, способной дать характеристику степени “встраиваемости” государств в мирополитические реалии. Опорными категориями выступают объект безопасности (человек и общество), субъект безопасности (государство, гражданское общество, бизнес-сообщества и др.), методы обеспечения безопасности (невоенные и превентивные меры, долгосрочные стратегии развития, географические рамки объекта безопасности).

Исходя из теоретических оснований исследования и современной международно-политической практики было сформулировано определение механизма обеспечения “мягкой безопасности” в международных условиях. В широком смысле такой механизм представляет собой само по себе членство государства в интеграционных объединениях, сотрудничество которых включает в себя противодействие вызовам и угрозам “мягкой безопасности”, ратификация государством ключевых рамочных или правовых договоров объединения, участие в формировании повестки объединения и в выработке совместных подходов к противодействию вызовам и угрозам. В более узком и более релевантном для анализа с точки зрения аналитической категории “методы обеспечения безопасности” смысле механизм обеспечения “мягкой безопасности” в международных условиях представляет собой определенный формат партнерства между государствами, включающий совокупность конкретных практических мер, реализуемых предпочтительно в превентивном качестве и с участием множества заинтересованных и ответственных за соответствующее направление акторов, включая гражданское общество, частный сектор и др. Именно воплощение политических подходов в практическое преодоление вызовов и угроз безопасности демонстрирует а) соответствие/несоответствие постулируемой политики реализуемой практике б) степень эффективности предпринимаемых мер.

1.3. Эволюция российского подхода к обеспечению безопасности.

После распада Советского Союза Россия выбрала демократический путь развития и провозгласила ключевыми принципами своей внешней политики многовекторность и активную интеграцию в мировые политические процессы.

В Концепции национальной безопасности 2000 года были заложены основы комплексного российского подхода к безопасности: в категории “объект безопасности”

были выделены государство, общество, личность, а в категории “виды безопасности” в качестве угроз были обозначены как внешние, так и внутренние угрозы в любом аспекте жизни референтных объектов безопасности¹⁶. Актуальность невоенной силы, по мнению турецкого профессора, эксперта по международной безопасности, Мурата Йорулмаза, Россия особенно осознала после террористических актов 2001 года¹⁷: в доктринальных документах государства всё чаще стали находить место вопросы экономики, окружающей среды и других невоенных угроз безопасности. Так, Стратегия национальной безопасности России до 2020 года включает в себя 11 секьюритизированных сфер жизни государства, общества и личности или видов безопасности: экономическая, энергетическая, экологическая, технологическая, продовольственная, информационная, безопасность пограничной зоны, безопасность в сфере науки технологий и образования, в сфере здравоохранения и здоровья нации, в сфере культуры, а также в качестве отдельной угрозы выдвинута диспропорция в уровнях развития российских регионов¹⁸. Сегодня доктринальная система национальной безопасности России включает в себя также отдельные конвенции и доктрины, очевидно, секьюритизирующие глубже наиболее приоритетные области. Среди таковых – борьба с терроризмом, антинаркотическая политика, информационная безопасность, экологические и климатические угрозы, миграционные процессы, противодействие коррупции и содействие международному развитию. Основными приоритетами российской национальной безопасности согласно СНБ РФ 2020 являются национальная оборона, государственная и общественная безопасность¹⁹. При этом контент-анализ документа также демонстрирует, что государство (единицы кодирования: государство, государственная безопасность, государственная власть, государственные органы, государственная целостность), общество (единицы кодирования: общество, население) и человек (единицы кодирования: человек, личность, гражданин) встречаются в документе в качестве референтных объектов безопасности, соответственно последовательности, – 43, 51 и 56 раз.

16 Концепция национальной безопасности 2000 года. // Интернет-газета «Независимое военное обозрение» [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2000-01-14/6_concept.html (дата обращения: 09.06.2017).

17 Yorulmaz M. Russia's Soft Security Policy 2000-2012 // Портал Университета Штефане Чел Маре [Электронный ресурс]. URL: http://atlas.usv.ro/www/codru_net/CC18/2/yorulmaz.pdf (дата обращения: 12.07.2017).

18 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. // Министерство иностранных дел РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/rcWQqN> (дата обращения: 19.07.2017).

19 Там же

Прямым подразделением МИД России, которое уполномочено заниматься некоторыми отдельными проблемами “мягкой безопасности” на международной арене, с 2001 года является Департамент новых вызовов и угроз. К спектру таковых департамент относит ряд глобальных и транснациональных вызовов и угроз государству, обществу и индивиду, которые исходят от негосударственных акторов²⁰. К ним по словам руководителя Департамента И.И. Рогачева относятся международный терроризм, незаконный оборот наркотиков, транснациональная преступность (морское пиратство, коррупция и другие ответвления), угрозы информационной безопасности и вызовы в научно-технологической сфере²¹. Рейтинг приоритетности обозначенного списка угроз и вызовов по словам И.И. Рогачева по разным критериям возглавляют различные угрозы. В случае с политическим или “медийным” фактором приоритетным предстает международный терроризм. Наибольший ущерб по количеству отнимаемых человеческих жизней наносит наркотрафик. Экономический ущерб всему миру наносит в первую очередь коррупция, а не пиратство, как принято полагать²².

В 2008 году Россией в рамках корфусского процесса по восстановлению доверия между государствами и продвижению диалога по евро-атлантической и евразийской безопасности была выдвинута инициатива Президента Дмитрия Медведева по созданию Договора о Европейской безопасности, на которую западные партнёры отреагировали без ожидаемого энтузиазма. Предпосылками такой инициативы послужил по утверждению России “кризис идентичности”²³ ОБСЕ, а именно несостоятельность военно-политической корзины. Как заявляет глава МИД России С.В. Лавров, роль ОБСЕ после выбора в пользу политики расширения НАТО “была сведена к обслуживанию этой политики путем присмотра за гуманитарным измерением «к востоку от Вены»²⁴. Анализируя повестку ряда последовавших за российской инициативой экспертных отчетов ЕС и НАТО, А.С. Макарычев отмечает “большой разрыв в понимании природы безопасности Россией и

20 Интервью директора Департамента новых вызовов и угроз МИД РФ Рогачева И.И. 2017 // Видеоportal журнала « Международная жизнь». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WZFhXT4Q0c8> (дата обращения: 20.08. 2017).

21 Там же

22 Там же

23 Статья Министра иностранных дел России С.В. Лаврова "Как преодолеть кризис идентичности". // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ . URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/osce/-/asset_publisher/bzhxR3zkq2H5/content/id/227080 (дата обращения: 10.07. 2017).

24 Там же

Западом”²⁵. По мнению исследователя, Россия сознательно разделяет “жесткие” и “мягкие” аспекты безопасности в качестве двух несвязанных между собой измерений, в то время как ЕС и НАТО комплексно подходят к пониманию безопасности, не проводя этой границы²⁶. Ответ Запада на инициативу России по мнению Макарычева можно трактовать как сигнал о том, что «если Россия хочет всерьез обсуждать Евроатлантическую архитектуру безопасности, то ей стоит углублять понимание глобальной повестки дня за счет обращения к вопросам истощения ресурсов, транспарентности, устойчивого развития, трансграничной миграции, защиты окружающей среды, проблемам изменения климата, инфекционных заболеваний и другим вызовам и угрозам, направленным на индивида и общество»²⁷.

Устойчивое развитие России секьюритизировано в СНБ РФ 2020 в качестве необходимого условия существования референтных объектов безопасности²⁸. Как следствие, концептуальные положения в области обеспечения национальной безопасности базируются на фундаментальной взаимосвязи и взаимозависимости СНБ РФ до 2020 года и Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года²⁹. Согласно Концепции внешней политики 2016 года “Россия рассматривает устойчивое социально-экономическое развитие государств как важнейшую предпосылку формирования более эффективной и кризисоустойчивой международной системы, фактор благополучия и процветания всего человечества. В этой связи содействие международному развитию Россия признает в качестве действенного инструмента решения глобальных и региональных проблем³⁰. При этом, как отмечает российский исследователь В.И. Бартнев, включение в 2015 году в глобальную повестку дня устойчивого развития до 2030 г. проблем обеспечения мира, безопасности, верховенства права и качества управления, активно продвигаемое в процессе утверждения повестки странами – “традиционными” донорами, воспринимается Россией с трибун международных форумов как “навязывание подходов, разработанных в рамках

25 Makarychev A. Hard, Soft, or Human? Security Discourses in The EU, NATO and Russia // [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/RDxXao> (дата обращения: 14.07. 2017).

26 Там же

27 Там же

28 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Министерство иностранных дел РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/rcWQqN> (дата обращения: 19.07. 2017).

29 Там же

30 Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 // [Электронный ресурс]: Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/CptlCkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 05.07. 2017).

внеооновских форматов, в частности ОЭСР, предполагающих смещение акцента с проблематики финансирования развития на вопросы обеспечения мира и безопасности, защиты прав человека, верховенства права и др.”³¹.

Очевидно, что вместе с выбором демократической модели развития государства российский подход к обеспечению безопасности принял соответствующее расширительное толкование безопасности, где референтными объектами кроме государства являются также общество и человек. Как следствие, спектр угроз безопасности законодательно был существенно расширен, являясь одновременно ответом на актуальные для постбиполярного мира вызовы и угрозы. Выбрав вектор развития многополярной модели мира и активную интеграцию на региональном и на глобальном уровнях, Россия, таким образом, закрепила в своей политике базовые принципы “мягкого” подхода к безопасности.

Согласно прогнозу Всемирного экономического форума 2017 года тремя глобальными рисками в течение десяти следующих лет будут экономическое неравенство, социальная поляризация и усиление экологических проблем³². Максимально социально ориентированный подход к обеспечению международной безопасности, включающий не только методы защиты, но и методы обеспечения стабильности, представляется как никогда актуальным и востребованным.

31 Бартенев В.И. Формирование глобальной повестки дня в сфере устойчивого развития после 2015 года // Вестник международных организаций. Т. 10. №3. 2015. С. 7 – 32.

32 Отчет Всемирного экономического Форума 2017 года // [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/dFxFdX> pdf (дата обращения: 05.07. 2017).

ГЛАВА II Российские внешнеполитические механизмы обеспечения “мягкой безопасности”.

Следуя логике теоретических оснований исследования государственной внешней политики “мягкой безопасности”, а также, опираясь на современную внешнеполитическую практику Российской Федерации, для анализа были выбраны два наиболее системных с точки зрения функционирования механизмов обеспечения “мягкой безопасности” российских внешнеполитических “коридора”: политики в соответствующих международных региональных интеграционных объединениях и политики содействия международному развитию.

В выборочную совокупность первого “коридора” вошли 15 крупных межгосударственных интеграционных региональных объединений с участием России. Предварительная оценка механизмов обеспечения “мягкой безопасности” внутри выбранных объединений позволила классифицировать их следующим образом: в первую группу условно именуемую “практические механизмы” вошли субрегиональные объединения Нового Севера (“Северное измерение” (СИ), Совет государств Балтийского моря (СГБМ), Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) и Арктический Совет (АС), поскольку они представляют собой наиболее детализированное и “прикладное” сотрудничество в сфере “мягкой безопасности” с российским участием. Вторая группа механизмов получила статус “рамочных”, поскольку они либо в основной части своей работы представляют собой совместное формирование странами-членами условий для последующей индивидуальной реализации ими практических мер (исключение составляют единичные инструменты внутри), либо их повестка ограничивается минимальным спектром соответствующих вызовов и угроз, либо их работа носит весьма инертный характер. В такую категорию вошли далее сгруппированные по относительному географическому принципу организации: СЕ и ОБСЕ; ОДКБ и СНГ; ОЧЭС, ШОС и БРИКС.

2.1. Механизмы региональных интеграционных объединений с участием России.

2.1.1 Механизмы субрегиональных интеграционных объединений Нового Севера.

После завершения Холодной войны на севере Европы складывается уникальная геополитическая ситуация. Во-первых, субрегион теперь включал в себя не только “традиционные” европейские страны (Финляндия, Норвегия, Швеция, Дания, Исландия), но и Северо-Запад Российской Федерации, получившие независимость Эстонию, Латвию, Литву и вновь вышедшие к балтийскому морю Польшу и Германию. Во-вторых, в продолжение развития общеевропейского всеобъемлющего подхода к безопасности Страны Севера, таким образом, формируют в субрегионе особое пространство безопасности. В 2003 году президентом Исландии О. Р. Гримсоном на Генеральной ассамблее «Северного форума» была озвучена концепция “Новый Север”, которая подчеркивала уникальность “нового политического ландшафта” на Севере Европы. Среди его характеристик: сложившаяся сеть взаимосвязанных международных организаций (Совет Государств Балтийского моря (СГБМ), Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), Арктический Совет), уровень межрегионального взаимодействия (с участием Северо-Запада РФ), акцент на вопросах “мягкой безопасности” и другие³³. Подчеркивая особенность европейского Севера, профессор СпбГУ Маркушина Н.Ю. вводит в оборот термин “северная безопасность”, системными свойствами которой по мнению автора являются приоритет «человеческой безопасности» и приоритет защиты северного сообщества от человеческого воздействия³⁴.

Российская политика на Севере Европы, в том числе, отдает предпочтение активной интеграции и сотрудничеству. Россия является членом Совета государств Балтийского моря, Совета Баренцева/Евроарктического региона, Арктического совета и партнером ЕС, Норвегии и Исландии в партнерстве “Северное измерение”. Для достижения исследовательской задачи представляется релевантным рассмотреть механизмы обеспечения “мягкой безопасности” внутри перечисленных интеграционных объединений и выявить степень “включенности” в них российских инициатив.

“Северное измерение” (СИ) было запущено в 2000 году в качестве формата внешней и трансграничной политики Европейского Союза на Северном направлении. Его главным

³³ Маркушина Н. Ю. Северная безопасность и концепция "Нового Севера" // Обозреватель-Observer. - 2011. - № 4. - С. 92-100.

³⁴ Там же

фокусом с самого начала был Северо-Запад Российской Федерации, представляющий собой, как ряд возможностей для развития региона, так и наибольшую опасность с точки зрения особых вызовов и угроз, как самому ЕС, так и континенту в целом. В 2006 году по принципиальной инициативе России при активном дипломатическом содействии Финляндии “Северное измерение” приобрело формат равноправного партнерства. Тогда начальник отдела Департамента общеевропейского сотрудничества МИД России Д.А. Полянский отмечал: “В какой-то степени это ограничение амбиций Евросоюза именно в данном регионе. Такого равноправного механизма у нас, наверное, не было, поскольку те структуры, которые мы имеем (СГБМ, в первую очередь, СБЕР), имеют свою специфику. Создавались они, чтобы наладить многостороннее сотрудничество после распада Советского Союза, каким-то образом наладить отношения с государствами Балтии, если говорить о СГБМ. В чём-то они не оправдали ожиданий, и сейчас мы наблюдаем их активные попытки найти свою нишу в том формате, который мы создаем. “Северное измерение” - это формат абсолютно новый, формат нового века. Он даёт возможность выбора тем форматам сотрудничества, которые уже существуют: либо адаптироваться и работать вместе в спайке, либо, можно сказать, отмереть”³⁵.

Целью обновленного Северного измерения является поддержание стабильности, благополучия и устойчивого развития региона средствами практической кооперации между сторонами. Партнерство включает в себя широкий список сфер сотрудничества, включая такие вопросы “мягкой безопасности”, как защита окружающей среды, ядерная безопасность, здравоохранение, энергетическая политика и другие³⁶. Особое значение партнерство придает обеспечению участия в реализации проектов максимального круга заинтересованных сторон: региональных организаций (СГБМ, СБЕР, Совет министров Северных стран (СМСС), Арктический Совет), местных и региональных властей, частного сектора и гражданского общества³⁷. Северное измерение, таким образом, является неким зонтом кооперации в регионе, объединяющим усилия различных акторов благодаря своему уникальному формату.

35 Полянский Д. «Северное измерение»: роль и место России // Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение: сб. материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам / под ред. А. Коробейникова. М., 2006.

36 «Northern Dimension». [Электронный ресурс]. Northern Dimension official website. URL: <http://www.northerndimension.info/northern-dimension> (дата обращения: 27.02. 2018).

37 «Северное измерение». [Электронный ресурс]. Министерство иностранных дел Финляндии. URL: <http://www.finland.org.ru/public/default.aspx?nodeid=36994&contentlan=15&culture=ru-RU> (дата обращения: 27.02. 2018).

Структурно СИ существует в четырех партнерствах: Природоохранное партнерство (NDEP, 2003), Партнерство в области здравоохранения и социального благополучия (NDPHS, 2003), Партнерство в сфере транспорта и логистики (NDPTL, 2007) и Партнерство в сфере культуры (NDPC, 2010).

Данные о наполнении партнерств проектами, их форматы и динамика развития, а также мнения ряда исследователей (Н.Ю. Маркушина³⁸, Ю.А. Демьяненко³⁹, И.М. Бусыгина и Филиппов М.Г.⁴⁰) говорят о том, что активно политику СИ реализует в основном Природоохранное партнерство. Главной целью партнерства стало предупреждение негативного воздействия на окружающую среду вместо нейтрализации последствий. Референтные объекты проектов всегда — в большей степени, Россия и, в меньшей степени, Белоруссия. Партнерство состоит из двух “окон”: ядерного и экологического. Их наиболее острыми направлениями являются проблемы водоснабжения, стокоотведения, энергоэффективности, сбора и удаления твердых и ядерных отходов⁴¹. Всего на сегодняшний день в рамках Партнерства было утверждено 36 проектов⁴² (47% - реализованы, 53% - в процессе реализации), из них - 31 проект направлен на Россию. Среди таковых: очистка сточных вод в Гатчине, Выборге, модернизация систем водоподготовки, водоснабжения и очистки сточных вод в Сосновом Боре, модернизация ВКХ в Пскове, модернизация системы коммунального теплоснабжения Вологды, модернизация системы ВКХ Новгорода, повышение эффективности муниципального водного хозяйства в Сыктывкаре, система радиационного мониторинга и реагирования на чрезвычайные ситуации в Мурманской области, система транспортировки отработавшего ядерного топлива в губе Андреева и многие другие. Наиболее успешными и значительными проектами NDEP признаются завершение строительства в Санкт-Петербурге Юго-Западных очистных сооружений в 2005 году и Главного канализационного (Северного) коллектора. На церемонии пуска в эксплуатацию Юго-Западных очистных сооружений в Санкт-Петербурге на тот момент Президент Финляндии

38 Маркушина Н.Ю. Вопросы мягкой безопасности в контексте «Северного измерения» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. - №2. - С. 107-116.

39 Демьяненко Ю.А. Роль России в Северном измерении: социально-экономический и политический аспекты // Вестник БИСТ. 2012. - №2. - С. 30-36.

40 Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. «Северное измерение: стратегии участников» // Балтийский регион. 2009. №1. - С. 55-63.

41 Каталог сотрудничества Европейского Союза и России в Северо-Западном регионе. ЦЕИ – Центр ЕС, ЕУСПб. Санкт-Петербург, 2012. 80 стр.

42 Список проектов Экологического партнерства «Северного измерения» // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Экологического партнерства «Северного измерения». URL: <https://ndep.org/ru/projects/> (дата обращения: 14.03. 2018).

Тарья Халонен, Премьер-министр Швеции Й.Перссон и Президент РФ В.Путин признали завершившийся проект флагманом природоохранного партнерства СИ, отметили успешность чрезвычайно сложной и инновационной модели партнерства внутри проекта⁴³.

Проекты NDEP действительно отличаются новой моделью кооперации: они используют эффективные механизмы многоуровневого и многофункционального партнерства. Например, акторный анализ программы строительства Северного коллектора (Приложение 3) говорит о том, что проект объединил усилия нескольких государств, международных финансовых институтов, частных компаний. В этом смысле роль NDEP, как одного из ключевых стейкхолдеров проекта (Приложение 3), очевидно значительна: кроме частичного финансирования проекта из собственных средств (взносы государств-членов партнерства), Партнерство также аккумулирует коллективный опыт и ресурсы действующих в регионе МФО. Проекты NDEP отличаются, в том числе, поиском и применением высокотехнологичных решений в достижении задач программы. Так, система транспортировки отработавшего ядерного топлива в губе Андреева будет осуществляться в 2019 году с использованием дистанционно управляемого мини-манипулятора, который будет захватывать отработавшие тепловыделяющие сборки в радиоактивном бассейне и помещать их в особый чехол. Чехлы, в свою очередь, будут подниматься также дистанционно управляемым краном и помещаться в безопасный контейнер. Вся операция будет предварительно отрабатываться на тренажере-имитаторе, а параллельно персонал операции будет проходить обучение⁴⁴.

Несколько менее результативно, но, в том числе, активно осуществляет свою деятельность Партнерство СИ в области здравоохранения и социального благополучия. Единственным референтным объектом программ партнерства является Россия. Двумя треками работы партнерства заявлены сокращение темпов распространения инфекционных заболеваний и заболеваний, связанных с особенностями образа жизни (ВИЧ / СПИД, туберкулез, инфекции, передаваемые половым путем, сердечно-сосудистые заболевания, устойчивость к антибиотикам и другие) и повышение уровня социального благосостояния населения и пропаганда социально полезного образа жизни (популяризация ЗОЖ: правильного питания, спортивной культуры, безопасных

43 Церемония пуска в эксплуатацию Юго-Западных очистных сооружений. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23185> (дата обращения: 14.03. 2018).

44 Сборник новостей Экологического партнерства «Северного измерения» // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Экологического партнерства «Северного измерения». URL: <https://ndep.org/wp-content/uploads/NDEP-News-Issue-39-Russian.pdf> (дата обращения: 14.03. 2018).

сексуальных отношений, обеспечение хороших социальных и рабочих условий, пропаганда досуга, свободного от алкоголя, наркотиков и табакокурения)⁴⁵. Формат работы партнерства представляет собой диалоговый форум для разработки совместных подходов к противостоянию угрозам и вызовам в соответствующих сферах жизнедеятельности человека. “Форум” состоит из семи экспертных групп, работа каждой из которых посвящена конкретному направлению (устойчивость к антибиотикам; злоупотребление алкоголем и наркотиками; ВИЧ, туберкулез и схожие инфекции; первая медицинская помощь и др.) Лидирующим партнером внутри каждой группы всегда является одно государство-член NDPHS. Работа групп осуществляется по определяемой на двухлетний период стратегии (План действий), которая содержит конкретные цели и вытекающие из них задачи, как, например, “Поддержка национальных, региональных и глобальных стратегий противодействия устойчивости к антибиотикам посредством межсекторальных усилий”⁴⁶. Средством достижения целей партнерства является цепь конкретных мер, полный цикл которых (Приложение 4) включает в себя: создание системы наблюдения для сбора данных о конкретной проблеме; поддержка совместной разработки методологии противодействия вызову/угрозе; активное распространение знания о проблеме/путях ее решения; расширение числа стейкхолдеров в регионе; создание системы мониторинга прогресса в достижении цели. Интересной методикой в шаге “расширение числа стейкхолдеров” в достижении задач второго трека партнерства является коммуникация с корпорациями на предмет выявления экономических потерь от не предотвращения заболеваний, связанных с индивидуальным образом жизни сотрудников (злоупотребление алкоголем, табакокурение, неправильное питание, недостаток физической нагрузки)⁴⁷. Еще одним ярким примером конкретных “продуманных” практических мер внутри Партнерства является методика в шаге “распространение знания о проблеме/путях ее решения”: в проекте “Превентивные меры в борьбе со злоупотреблением алкоголя и

45 Northern Dimension Partnership in Public Health and Social Well-being // [Электронный ресурс]. Official website of NDPHS. URL: http://www.ndphs.org/about_ndphs (дата обращения: 14.03. 2018).

46 Action Plan accompanying the NDPHS Strategy 2020 // [Электронный ресурс]. Official website of NDPHS. URL:http://www.ndphs.org/internalfiles/File/About_NDPHS/Action_Plan_accompanying_the_NDPHS_Strategy_2_020.pdf (дата обращения: 14.03. 2018).

47 Report of the 15th European Conference on Public Health // [Электронный ресурс]. Official website of NDPHS. URL: http://www.ndphs.org/documents/477/SIHLWA_4-3-Info_3__EUPHA_Oct_2007_Conference_&_NDPHS_WS.pdf (дата обращения: 14.03. 2018).

наркотических средств” в Санкт-Петербурге в году прошел ряд воркшопов для журналистов, посвященных подготовке в прессе “продающих” материалов о ЗОЖ⁴⁸

Вместе с тем, по оценкам самого NDPHS в разные годы процент прогресса в достижении целей и задач программ варьировался, иногда он не превышал 50%⁴⁹. Среди влияющих на показатель причин, в том числе, нестабильное финансирование программы со стороны государств-членов партнерства⁵⁰. В своем выступлении на Третьем Парламентском Форуме СИ в 2013 году Генеральный консул Финляндии в Санкт-Петербурге от имени Председателя Комитета Старших Представителей NDPHS Эва-Лиза Хаапаниemi отметила: “Мы прекрасно понимаем, что Партнерство вносит вклад в борьбу с различными проблемами, связанными со здравоохранением в регионе, однако не решает их в полной мере. Масштаб этих проблем таков, что в одиночку ни отдельно взятая страна, ни организация не сможет справиться с ними”⁵¹.

Россия является лидирующим партнером в двух экспертных группах Партнерства: по неинфекционным заболеваниям (представлена Национальным медицинским исследовательским центром профилактической медицины Министерства здравоохранения РФ) и по первичному здравоохранению (представлена Центральным НИИ организации и информатизации здравоохранения Министерства здравоохранения РФ (ЦНИИ ОИЗ)). Последним в 2013 году был проведен сравнительный анализ приоритетов субъектов Северо-Западного федерального округа РФ и основных направлений стратегии NDPHS, согласно которому пересечение в приоритетах сторон составляет около 50%. Выводом анализа стала необходимость более активного продвижения российских интересов в Стратегию Партнерства⁵².

48 Progress Report for 2008 of Northern Dimension Partnership in Public Health and Social Well-being // [Электронный ресурс]. Official website of NDPHS. URL: http://www.ndphs.org/internalfiles/File/About_NDPHS/Progress%20Reports/NDPHS_progress_report_2008.pdf (дата обращения: 14.03. 2018).

49 Work Plan of Northern Dimension Partnership in Public Health and Social Well-being for 2013 // [Электронный ресурс]. Official website of NDPHS. URL: http://www.ndphs.org/internalfiles/File/About_NDPHS/Work%20Plans/NDPHS_Work_Plan_for_2013.pdf (дата обращения: 14.03. 2018).

50 Progress Report for 2008 of Northern Dimension Partnership in Public Health and Social Well-being // [Электронный ресурс]. Official website of NDPHS. URL: http://www.ndphs.org/internalfiles/File/About_NDPHS/Progress%20Reports/NDPHS_progress_report_2008.pdf (дата обращения: 14.03. 2018).

51

52 Михайлова Ю.В., Короткова А.В., Лисицына М.М. Сравнительный анализ проблем и приоритетов развития здравоохранения субъектов Северо-западного федерального округа России и основных направлений стратегии партнерства «Северное измерение» в области общественного здравоохранения и социального благополучия // [Электронный ресурс]. Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». – 2013. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/493/27/lang.ru/>

Совет государств Балтийского моря (СГБМ) был создан в 1992 году в качестве инструмента региональной кооперации с целью “облегчения перехода к новому международному ландшафту”⁵³. Совет объединяет 12 членов: Финляндия, Норвегия, Швеция, Дания, Исландия, Эстония, Германия, Латвия, Литва, Польша, Россия и Европейская комиссия. Повестка Совета представлена тремя направлениями: “региональная идентичность”, “устойчивый и процветающий регион” и “безопасный регион”. В сумме деятельность организации призвана воплотить в политические и практические решения глобальную повестку дня, представленную Целями устойчивого развития до 2030 года (ЦУР), Парижским соглашением 2015 года, Сэндайской Рамочной программой по снижению риска бедствий на 2015-2030 гг, Палермскими протоколами Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности и Конвенцией ООН по правам ребенка⁵⁴. Таким образом, сегодня организация фокусируется на таких вопросах, как социальная безопасность, устойчивость, инновации и образование, а также борьба с торговлей людьми⁵⁵. Регион по праву признается международным сообществом как один из самых политически стабильных и экономически устойчивых в Европе.

Повестка безопасности СГБМ является продолжением Стратегии ЕС в Балтийском регионе (Policy Area Secure), в основе которой лежит разработанная Копенгагенским институтом мирных исследований парадигма социетальной безопасности – формирование способности общества сохранять свой уникальный уклад в изменяющихся условиях⁵⁶. Политика “мягкой безопасности” согласно подходу СГБМ, таким образом, - это создание и поддержание системы институтов и практик, основанных на согласованном подходе (диалог, общие нормы и ценности), а также стремление к социальной инклюзивности и интеграции⁵⁷. Такой подход, согласно СГБМ, исключает экстенсивные принудительные меры и, напротив, поощряет превентивную/ проактивную практику⁵⁸.

Реализация политики “мягкой безопасности” в СГБМ осуществляется рядом специальных структур Совета (экспертные группы, диалоговые сети), которые занимаются пограничным контролем, гражданской защитой, экологической преступностью, ядерной и

53 <http://www.cbss.org/council/> (дата обращения: 14.03. 2018).

54 Council of the Baltic Sea States. // [Электронный ресурс]. Official website of CBSS. URL: <http://www.cbss.org/council/> (дата обращения: 17.03. 2018).

55 Там же

56 Soft security and migration Conference report. // [Электронный ресурс]. Official website of CBSS. URL: <http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2017/12/REPORT.pdf> (дата обращения: 01.04. 2018).

57 Там же

58 Там же

радиационной безопасностью, рисками для детей, торговлей людьми, миграционными вопросами и т.д.⁵⁹ В большей степени организация уделяет внимание вопросам миграции и интеграции. Механизм их практической работы включает в себя регулярные встречи национальных экспертов в соответствующей сфере в формате обмена мнениями и выработки общих подходов к вызовам и угрозам в регионе.

Несмотря на широкую и злободневную повестку Совета, его длительное время обвиняли в неэффективности, обосновывая это отсутствием механизма практической кооперации. В Вильнюсской декларации 2010 года “Взгляд на регион Балтийского моря в 2020 году” было заявлено о необходимости трансформации СГБМ в сторону проектной деятельности, после чего в 2012 году было принято решение о создании в рамках Секретариата СГБМ механизма проектного финансирования (PSF). На сегодняшний день Фонд поддержал уже 28 проектов, которые между собой делят Германия (7 проектов), Швеция (5), Латвия (5), Финляндия (4), Эстония (4), Россия (3)⁶⁰. Условием для утверждения проекта являются наличие представителей как минимум трех стран среди инициаторов проекта. Кроме того, проекты всегда объединяют ряд акторов разных уровней и функций (Приложение 5). Суммарно участие НПО в проектах Совета оценивается ориентировочно тридцатью процентами⁶¹.

Российская Федерация позиционирует себя, как активный участник интеграции в регионе Балтийского моря. За время своего председательства в 2012-2013 гг. Россия работала над рядом обозначенных ей приоритетов в повестке Совета: работа над принципом преемственности (синхронизация подходов трех председателей: предыдущего, действующего и следующего), работа над запуском уже упомянутого механизма проектного финансирования, “налаживание сети государственно-частного партнерства с целью моделирования устойчивой площадки роста с учреждением регионального фонда прямых инвестиций, продвижение традиций толерантности как средства противодействия

59 Safe&secure region. // [Электронный ресурс]. Official website of CBSS. URL: <http://www.cbss.org/safe-secure-region/> (дата обращения: 17.03. 2018).

60 PSF Funded Projects 2013-2015 // [Электронный ресурс]. Official website of CBSS. URL: <http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2012/11/PSF-FUNDED-PROJECTS-OVERVIEW-2013-2015-2016.pdf> (дата обращения: 17.03. 2018).

61 Интервью с председателем комитета старших должностных лиц СГБМ С.С. Петровичем и с Генеральным директором Секретариата СГБМ Яном Лундиным. // [Электронный ресурс]. Сайт международного общественного фонда Янтарный мост. URL: <http://ambbr.artinfo.ru:8008/article?id=123> (дата обращения: 17.03. 2018).

тенденциям радикализма и экстремизма, содействие контактам между людьми и облегчение визового режима”⁶².

Важным вкладом России в безопасность Балтийского моря стал запуск Санкт-Петербургской инициативы - механизма государственно-частного партнерства, целью которого является улучшение состояния окружающей среды в регионе. Платформа была призвана “объединить представителей государственных структур, деловых кругов и гражданского общества и стать генератором практических идей и конкретных предложений по вопросам сохранения экологической системы Балтийского моря”⁶³. В Совет партнеров инициативы на сегодняшний день входят 14 членов, среди которых российские региональные власти, НКО и крупные частные компании, а также такие региональные международные акторы, как Хельсинкская Комиссия (HELCOM), Природоохранное Партнерство Северного Измерения, Северная экологическая финансовая корпорация (НЕФКО) и другие. Сама Россия называет инициативу созданием международной системы экологической безопасности стран региона Балтийского моря. Примечательно, что инициатива имеет прямое отношение к предмету деятельности СГБМ, однако не дополняет собой уже существующую структуру, а задает параллельный вектор, подчеркивая свою уникальную функцию в регионе. На фоне заметно трепетного отношения России к степени равноправия своего партнерства с Европой Санкт-Петербургская инициатива представляется в каком-то смысле выбором в пользу наращивания индивидуального политического признания в регионе.

Совет государств Балтийского моря, таким образом, является наиболее детализированным с точки зрения политического подхода и наиболее комплексным с точки зрения спектра охватываемых угроз механизмом межгосударственной политики “мягкой безопасности” в регионе. Участие России в Совете носит стабильный и понятный характер как с точки зрения улучшения качества жизни российских граждан в регионе, так и с точки зрения реализации российских политических интересов.

Институциональное сотрудничество в Баренцевом/Евроарктическом регионе было создано в 1993 году, объединив Финляндию, Швецию, Данию, Норвегию, Россию,

62 Информационные материалы о российском председательстве в СГБМ 2012-2013 гг. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт СГБМ. URL: <http://www.cbss-russia.ru/ru/presidency/about.html> (дата обращения: 17.03. 2018).

63 Выступление Д.А. Медведева о Санкт-Петербургской инициативе // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Санкт-Петербургской инициативы. URL: http://spbinitiative.ru/ru/releases/release_medvedev.php (дата обращения: 17.03. 2018).

Исландию и Европейскую комиссию. Своей целью Баренцева Программа сотрудничества 2014-2018гг. сформулировала улучшение условий жизни, мирное и устойчивое развитие региона. При этом главным приоритетом программы стала демографическая проблема: высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи⁶⁴.

Сотрудничество в регионе имеет двухуровневую структуру: Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР) (межгосударственное взаимодействие) и Баренцев Региональный совет (БРС) (взаимодействие на уровне административных единиц). В рамках каждого совета действуют рабочие группы по конкретным направлениям сотрудничества, а на уровне совместной работы советов действуют также объединенные рабочие группы. Среди вызовов и угроз “мягкой безопасности”, которым посвящена деятельность рабочих групп, - окружающая среда, здравоохранение и социальные вопросы, энергоэффективность, транспорт и логистика.

Проектная деятельность, со-координируемая СБЕР, осуществляется в основном в рамках трансграничной политики Европейского Союза Interreg, по линии программы приграничного сотрудничества Россия – ЕС “Коларктик”. Основным бенефициаром проектов, соответственно, является Россия. Так, в рамках экологического сотрудничества, председателем которого является Норвегия, в 2003-2014 гг региональными силами Финляндии, Норвегии и России был реализован проект по созданию Программы мониторинга приграничных территорий Пасвика. Прежде, каждая из трех стран осуществляла индивидуальный экологический мониторинг в бассейне реки Пасвик. Однако отдельные редкие наблюдательные сети не позволяли получить исчерпывающее комплексное представление о состоянии окружающей среды трансграничной территории. Принцип унификации подходов в предупреждении экологических угроз разделяемой территории позволил, таким образом, укрепить безопасность в регионе. Экологическое партнерство в целом ориентировано на снижение загрязнения от промышленной деятельности (приоритеты - реконструкция комбината "Печенганикель", дальнейшее внедрение методологии "Чистое производство" на Северо-Западе России); предотвращение радиоактивного загрязнения; интеграция экологических аспектов в хозяйственную деятельность; управление окружающей средой (в Мурманской области осуществляется программа повышения квалификации специалистов в области управления

64 Баренцева Программа 2014 – 2018 гг. [Электронный ресурс]. Баренцев портал. URL: // <https://www.barentsinfo.fi/beac/docs/BarentsProgramme2014-2018BrochureRU.pdf> (дата обращения: 17.03.2018).

окружающей средой); охрана флоры и фауны (разрабатывается комплексная программа сохранения природного и культурного наследия Соловецкого архипелага)⁶⁵.

Энергетическое направление сотрудничества, в котором председательствует Швеция, сконцентрировано на поддержке российских региональных центров энергоэффективности в Мурманске, Архангельске, Кировске и Петрозаводске, выявлении и организации финансирования наиболее рентабельных проектов в переходе на местное топливо в производстве тепла и электроэнергии.

Деятельность рабочих групп в Баренцевом/Евроарктическом сотрудничестве, в том числе, ориентирована на продвижение своих интересов в программы “Северного измерения”, поскольку последнее является воплощением единой совместной политики четырех участников кооперации в рассматриваемом регионе.

Сама Россия является постоянным председателем двух рабочих групп СБЕР: по экономическому сотрудничеству и по северному морскому пути (активизация международного коммерческого использования этой трассы). Россия признает, что “Баренцев процесс занимает собственную “нишу” в арктическом взаимодействии, а также считает, что формат межгосударственного взаимодействия в рамках СБЕР можно отнести к числу наиболее успешных моделей региональной кооперации, которая вполне может применяться и в других частях мира”⁶⁶.

Приоритетами российского председательства в СБЕР в 2015-2017 гг. стали “развитие транспортно-логистической инфраструктуры, защита окружающей среды и борьба с изменением климата, продвижение культурных и туристических обменов”⁶⁷. Особенно Россия отмечает достигнутый прогресс в разработке масштабного Совместного транспортного плана Баренцева региона, который будет состоять из шестнадцати трансграничных транспортных маршрутов с использованием различных видов наземного сообщения, семь из которых проходят по территории России.

Особыми инициативами России стали предложения по учреждению регионального форума высокого уровня, “своего рода “Баренцева Давоса”⁶⁸, и многоуровневого

65 Справочная информация о Совете Баренцева/Евроарктического региона. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/soviet-gosudarstv-barenceva/evroarkticeskogo-regiona-sber/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/588584 (дата обращения: 17.03. 2018).

66 Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова о сотрудничестве в Баренцевом регионе. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2964726 (дата обращения: 17.03. 2018).

67 Там же

68 Там же

молодежного форума. Форум высокого уровня мог бы стать по мнению России “солидной дискуссионной платформой с участием политиков, представителей органов государственной власти, бизнес-сообщества, академических и научных кругов, СМИ для обсуждения всей Баренцевой повестки с ударением на тематику устойчивого социально-экономического и экологического развития региона”. Молодежный форум, в свою очередь, - перспективой продолжения сложившегося крепкого сотрудничества в регионе.

Двухуровневое институциональное сотрудничество в Баренцевом/Евроарктическом регионе является основой стабильности и безопасности в регионе. Объединяя множество региональных акторов, СБР и БРС формируют широкий слой трансграничной кооперации сторон в наиболее приоритетных сферах “мягкой безопасности” для региона: экологической, энергетической, социальной, транспортной и др. Вместе с тем, с точки зрения реализации практических мер роли СБР и БРС больше тяготеют не столько к генерации форматов проектной деятельности, сколько к сопроводительной функции существующей проектной линии между ЕС и Россией.

Еще одной формой кооперации в регионе Нового Севера, посвященной, в том числе, вопросам “мягкой безопасности” является Арктический Совет (АС), который был создан в 1996 году в продолжение развития Арктической Стратегии защиты окружающей среды 1989 года. Совет объединяет Канаду, Данию, Финляндию, Исландию, Норвегию, Россию, Швецию и США, а также шесть организаций, представляющих коренные народы Арктики. Деятельность АС посвящена устойчивому развитию и защите окружающей среды Арктики.

Практическая деятельность Совета ведется в рамках шести рабочих групп по следующим направлениям: устранение загрязнения в Арктике, реализация Программы арктического мониторинга и оценки, сохранение арктической флоры и фауны, предупреждение и ликвидация чрезвычайных ситуаций, защита арктической морской среды и устойчивое развитие региона. Эффективным механизмом сотрудничества в АС также представляется возможность создания временных целевых и экспертных групп для осуществления конкретной задачи. Так, в рамках текущего председательства в АС Финляндии (2017 - 2019 гг) функционируют дополнительно целевые группы по вопросам арктического морского сотрудничества и по вопросам улучшения качества связи в Арктике, а также экспертная группа, содействующая реализации Рамочного документа для

действий в области активизации сокращения выбросов черной сажи и метана⁶⁹. Практически работа групп представляет собой подготовку оценочных исследований по целому ряду направлений, распространение информации о потенциальных методах решения исследуемых проблем и содействие их реализации. Проектная деятельность в рамках АС не выходит за пределы исследовательской миссии. Являясь форумом, Совет не имеет программного бюджета. Отдельные проекты в нем финансируются по желанию государств, входящих в Совет.

Россия придает сотрудничеству в Арктике важное стратегическое значение и принимает активное участие в формировании повестки Совета. Вместе с тем несмотря на отсутствие в мандате АС военного измерения Россия выступает за возобновление замороженного в 2014 году формата ежегодных встреч начальников генеральных штабов вооруженных сил стран-членов АС с целью укрепления взаимопонимания и расширения пространства доверия в регионе.

Север Европы представляет собой широчайший набор форм межгосударственного сотрудничества по вопросам “мягкой безопасности” и в этом смысле без сомнений является передовым регионом мира. Повестка всех рассмотренных интеграционных объединений региона основывается на стремлении к всеохватному устойчивому развитию, в котором свое место занимает фактор безопасности: секьюритизация конкретных существующих проблем и потенциальных рисков в регионе. Таковыми являются, в первую очередь, экологические проблемы (загрязнение вод, ядерная безопасность, изменение климата, биоразнообразие и др.), здравоохранение (инфекционные заболевания, неправильный образ жизни), энергетическая безопасность (истощение природных ресурсов), права человека (гендерное равенство, права национальных меньшинств), организованная преступность (торговля людьми, наркотрафик). В этом смысле форматы кооперации на Севере иллюстрируют процесс взаимопроникновения категорий “развитие” и “безопасность”. Политика “мягкой безопасности” в них несомненно включает в себя широчайшие меры, прежде всего, по предотвращению угроз, созданию таких условий для развития человека и общества, которые станут основой стабильности и безопасности региона. Формирование и в каком-то смысле культивирование политики “мягкой безопасности” в регионе продолжает линию внешнеполитической и трансграничной

69 Арктический Совет. // [Электронный ресурс]. Официальный Арктического Совета. URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/about-us> (дата обращения: 17.03. 2018).

политики Европейского Союза, в основе которой лежит парадигма “социетальной безопасности”.

Организации региона тесно взаимодействуют между собой и по разным принципам/ в разных форматах объединяют множество различных региональных акторов: кроме национальных правительств и региональных властей в сотрудничестве активно задействованы международные финансовые институты, неправительственные организации, представители частного сектора. Так, механизмы обеспечения безопасности внутри объединений всегда отличаются многоуровневым и многофункциональным подходом к решению задачи.

Важной особенностью и ключевым достижением развития механизмов обеспечения безопасности внутри институтов сотрудничества является, безусловно, проектная деятельность. Ее сильными сторонами являются вышеобозначенная способность аккумулировать опыт и ресурсы множества акторов, а также вносить конкретный практический вклад в решение существующих проблем или в предупреждение потенциальных.

2.1.2 «Рамочные» механизмы внутри крупных региональных объединений.

2.1.2.1 Механизмы СЕ и ОБСЕ.

Совет Европы (СЕ) был создан в 1949 году, как универсальная европейская организация, задача которой - обеспечение единого правового и гуманитарного пространства континента. Ключевыми направлениями работы Совета стали права человека, демократическое развитие и верховенство закона. “Отличительной особенностью СЕ является выработка и принятие юридически обязательных международных конвенций, охватывающих широкий спектр отраслей «мягкой безопасности», в том числе – развитие уголовного правосудия, защита персональных данных, противодействие терроризму, образование, культура, спорт, здравоохранение, защита прав детей и др.”⁷⁰ Многоуровневая структура организации (сотрудничество в пяти “измерениях”: межправительственное, межпарламентское, межрегиональное, судебное, сотрудничество по линии неправительственных организаций (НПО) позволяет

⁷⁰ Россия в совете Европы. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/coe/-/asset_publisher/uUbe64ZnDJs0/content/id/3011592 (дата обращения: 22.03. 2018).

государствам в качестве реализации сетевого подхода к сотрудничеству задействовать в процессе множество различных национальных акторов.

С момента вступления в Совет Европы в 1996 году и до настоящего момента Россия ратифицировала 64 (из 219) договорно-правовых акта СЕ по широкому спектру прав человека, еще 16 конвенций и протоколов ожидают ратификации. Россия является членом 9 из 14 автономных организаций СЕ⁷¹, большинство из которых посвящено конкретным вызовам и угрозам “мягкой” безопасности: Частичное открытое соглашение (ЧОС) по прогнозированию, предотвращению и оказанию помощи в случае природных и техногенных катастроф, Группа по сотрудничеству в борьбе со злоупотреблением и незаконным оборотом наркотических средств («Группа Помпиду»), Европейская комиссия за демократию через право («Венецианская комиссия»), Группа государств против коррупции (ГРЕКО), Европейская фармакопея (в качестве наблюдателя). Свой вклад в формирование единого правового пространства Европы сама Россия оценивает как весомый⁷². Своей отличительной инициативой в СЕ Россия считает разработку в 2005 году основного антитеррористического документа СЕ – Конвенции о предупреждении терроризма⁷³. При этом стоит отметить, что в Конференции международных неправительственных организаций, состоящей из 288 участников, участвуют только четыре российских НПО. Как отмечает Постоянный представитель РФ при СЕ И.Д.Солтановский “это, безусловно, говорит о весьма ограниченной представленности в структурах Конференции российского гражданского общества. Так например, среди них нет ни одной организации, занимающейся правами российских соотечественников”⁷⁴.

Деятельность Совета Европы в Российской Федерации, в свою очередь, включает в себя мониторинг и контроль соблюдения Россией стандартов СЕ в таких вопросах, как пытки и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание в местах лишения свободы, расизм и нетерпимость, охрана социальных прав, защита национальных

71 Автономная организация СЕ - особая правовая форма сотрудничества в рамках Совета Европы, которая позволяет странам-членам объединяться в более узкие группы для взаимодействия по конкретным актуальным для них вопросам.

72 Россия в совете Европы. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/coe/-/asset_publisher/uUbe64ZnDJS0/content/id/3011592 (дата обращения: 22.03. 2018).

73 Там же

74 Интервью Постоянного представителя России при Совете Европы И.Д. Солтановского «Российской газете». // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Совета Европы. URL: https://coe.mid.ru/ru_RU/-/nterv-u-postoannogo-predstavitela-rossii-pri-sovete-evropy-i-d-soltanovskogo-rossijskoj-gazete-opublikovannoe-19-anvara-2018-goda?inheritRedirect=true&redirect=%2Fru_RU%2F (дата обращения: 22.03. 2018).

меньшинств, борьба с коррупцией, борьба с отмыванием капиталов, демократические правовые стандарты, борьба с торговлей людьми и правосудие⁷⁵.

В случае выявления мониторинговыми механизмами СЕ в странах-членах проблем (реже в связи с типовыми постановлениями Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) их решению призваны содействовать двусторонние программы сотрудничества. Перечень таких программ между СЕ и Россией (реализованных и реализуемых в настоящее время) включает в себя следующие проекты: “ОНК”: создание в 2011-2014 гг. общественных наблюдательных комитетов в местах содержания под стражей в 80 субъектах РФ; “ПРЕКОП” и “ПРЕКОП II”: защита предпринимателей в РФ от коррупционных практик (в настоящее время - с прицелом на региональный уровень), “HELP”: обучение специалистов в области права в вопросах применения положений Европейской конвенции по правам человека и Европейской социальной хартии на национальном уровне; “Международные стандарты и механизмы в области прав человека для сотрудников Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и аппаратов уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации”; Рамочная программа между Министерством образования и науки РФ и СЕ: поощрение мобильности молодежи, обучение в области прав человека и демократической гражданственности, развитие межкультурного диалога”. В разработке сегодня также находятся совместный проект Секретариата СЕ и Министерства труда и социальной защиты РФ (взаимодействие по вопросам защиты прав женщин в целях реализации российской национальной стратегии в интересах женщин на 2017-2022 гг.) и совместный проект с Министерством спорта РФ в рамках «Плана действий Россия-СЕ по борьбе с допингом» (разработка пилотного курса «права и обязанности в спорте» для профессионалов в области спорта на действующей платформе “HELP”)⁷⁶.

С момента вступления в организацию Россия последовательно подвергается критике за ущемления прав человека, сворачивание демократических свобод и притеснение СМИ, фигурирует в качестве главной темы более чем полусотни резолюций СЕ. С 2012 года

⁷⁵ Деятельность Совета Европы в Российской Федерации. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/moscow/action-of-the-council-of-europe-in-russian-federation> (дата обращения: 22.03. 2018).

⁷⁶ О программах взаимодействия Россия – Совет Европы. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/rso/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/3011602 (дата обращения: 22.03. 2018).

Россия лидирует по количеству жалоб, поданных ее гражданами в Европейский суд по правам человека, а также по числу вынесенных судом постановлений: за последние десять лет российские граждане вдвое чаще стали выигрывать суды против властей страны⁷⁷. Специальная мониторинговая миссия Совета Европы неоднократно призывала Россию к ратификации ряда документов. В частности, в последнем комплексном докладе о ситуации в стране от 15 октября 2013 года СЕ настаивает на ратификации Европейской хартии региональных языков (была подписана Россией в 2001 году, но не ратифицирована), конвенций о гражданстве, о киберпреступности, о защите прав рабочих-мигрантов и об участии иностранцев в общественной жизни на местном уровне. Особо отмечалась необходимость ратификации протокола N12 к Конвенции о защите прав человека, в котором предусматривается общий запрет дискриминации⁷⁸. При этом российская официальная позиция выражает несогласие с таким объемом критики. Так, в 2016 году Председатель комитета Совета Федерации по международным делам Константин Косачев заявил: «мониторинг выполнения Россией обязательств, взятых при вступлении в СЕ 20 лет назад, продолжается в отношении РФ до сих пор. И конца и края этой процедуре не видно, потому что, как известно, за эти 20 лет нам наши партнеры в Совете Европы, в целом, и в ПАСЕ, в частности, сумели дополнительно навесить еще большой набор обязательств, который в принципе РФ не согласовывались и не принимались»⁷⁹. Последним кризисом в отношениях России и Совета Европы стало присоединение Крыма к России в 2014 году, охарактеризованное резолюцией организации как аннексия данной территории. В качестве санкционных мер Совет Европы лишил российских представителей права голоса и других полномочий на сессиях ПАСЕ. В ответ на ограничение Россия приостановила на 2017-2018 гг. выплаты в бюджет организации, являясь, между тем, одним из шести государств - основных плательщиков в бюджет СЕ⁸⁰.

Из возможных последствий кризиса в отношениях сторон на сегодняшний день известно только о высокой доле неопределенности в перспективах реализации программ

77 «Совет Европы пока проживет и без денег из России». // [Электронный ресурс]. Интернет-портал издания Deutsche Welle в России. URL: <http://bit.do/europe-concil> (дата обращения: 22.03. 2018).

78 Статья издания Коммерсант о двадцатилетии сотрудничества России и Совета Европы. [Электронный ресурс]. Интернет-портал издания Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2911646> (дата обращения: 22.03. 2018).

79 Интервью Председателя комитета Совета Федерации по международным делам К. Косачева. // [Электронный ресурс]. Интернет-портал Новостного агентства России ТАСС. URL: <http://tass.ru/politika/2642033> (дата обращения: 22.03. 2018).

80 Россия в совете Европы. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/coe/-/asset_publisher/uUbe64ZnDJs0/content/id/3011592 (дата обращения: 22.03. 2018).

двустороннего взаимодействия (пожалуй, наиболее эффективной формы партнерства с СЕ с точки зрения требований категории “методы обеспечения “мягкой безопасности”) по причине нарушения механизмов их финансирования. На данный момент (от 28.12.2017) курс России в Совете Европы направлен на “укрепление его самостоятельной роли и формирование объединительной европейской повестки дня, совместный с партнерами поиск ответов на такие вызовы, как терроризм, неконтролируемая миграция, наркотрафик, экстремизм, поднимающие голову в ряде европейских стран национализм и неонацизм, «негражданство», нетерпимость и дискриминация по этническому, языковому, религиозному, культурному и другим признакам⁸¹”.

Механизм обеспечения “мягкой безопасности” государства внутри Совета Европы, таким образом, можно условно назвать трехактным (Приложение 2): его основу составляет правовое поле, совместно формируемое государствами-членами; затем, в случае ратификации государством конкретной конвенции, в силу вступает мониторинг экспертами СЕ соблюдения закрепленных конвенциями договоренностей; и на третьем этапе, в случае выявления проблем в конкретной области, их решению способствуют двусторонние программы сотрудничества государства-члена и Совета Европы.

Российский механизм на последнем этапе “воронки” (Приложение 2) состоит из семи двусторонних проектов, форматы шести из которых - образовательные программы. Исключение составляет проект “ОНК”, реализуемый в 2011-2014 гг. Он носит более прикладной характер, что в большей степени соответствует императивам теоретической концепции политики “мягкой безопасности”.

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (до 1995 года - Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе) была создана в 1973 году в процессе разрядки отношений между Западом и Востоком в период Холодной войны. Ее создание стало символом и моделью общей и всеобъемлющей безопасности в Европе. Хельсинские соглашения 1975 года между странами НАТО, странами Варшавского договора и нейтральными европейскими странами закрепили так называемые “три корзины” или три измерения совместных мер, о которых договорились стороны: военно-политическое, экономико-экологическое и человеческое измерение. Последние две корзины, таким образом, впервые в истории закрепили всеобъемлющий международный подход к безопасности за счет включения в подход к ее определению и обеспечению вопросов “мягкой безопасности”.

81 Там же

Перечень таких вопросов сегодня включает в себя: надлежащее управление, гендерное равенство, демократизация, миграция, толерантность и недискриминация, верховенство закона, транснациональные угрозы, пограничный режим, борьба с терроризмом и полицейская деятельность, права человека, защита окружающей среды, борьба с торговлей людьми, выборы, экономическая деятельность, вопросы национальных меньшинств, свобода и развитие СМИ, кибер/ИКТ безопасность⁸². Сегодня ОБСЕ состоит из 57 государств и позиционирует себя как “всеохватный форум по вопросам безопасности и платформа по совместной деятельности по улучшению жизни людей и их сообществ на пространстве ОБСЕ”⁸³.

Итогами диалогов на платформе ОБСЕ становятся совместные решения государств-членов, которые имеют большое политическое значение, но не носят юридического (обязательного) характера. Непосредственная деятельность институтов ОБСЕ (практические меры) строится в основном на продвижении/популяризации определенных тем, а также на мониторинговых механизмах и консультативной помощи в реформировании какой-либо сферы, на формировании партнерства между частным сектором, государственными структурами и гражданским обществом.

Россия представлена в Парламентской Ассамблее ОБСЕ в количестве пятнадцати членов (из трехсот двадцати трех), сопредседательствует в Минской группе ОБСЕ, возглавляющей поиск путей мирного урегулирования Карабахского конфликта, и в принципе участвует в процессах мирного урегулирования конфликтов ОБСЕ. Так, в 1999 году Россия задействовала Московский механизм (создание миссии экспертов для работы с человеческим измерением в определенной стране по запросу) в отношении операции НАТО в бывшей Югославии. При этом членство России в ОБСЕ подобно ее членству в Совете Европы сопряжено с рядом противоречий в отношениях сторон и взаимных требований, в первую очередь, в вопросах “мягкой безопасности”. Так, эксперты Бюро демократических институтов и прав человека (БДИПЧ) ОБСЕ, наблюдая за рядом президентских и думских выборов в России, регулярно (например, в 2012⁸⁴, 2016⁸⁵, 2018⁸⁶

82 Информационные материалы об Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/ru/whatistheosce/factsheet?download=true> (дата обращения: 25.03. 2018).

83 Там же

84 Там же

85 Там же

86 Информационные материалы об Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/ru/whatistheosce/factsheet?download=true> (дата обращения: 25.03. 2018).

гг.) отмечали в своих отчетах ограничение основных свобод и политических прав избирателей, выраженное в жестком контроле СМИ, возрастающем давлении на гражданское общество, что становилось по заявлению БДИПЧ причиной отсутствия реальной политической конкуренции в стране⁸⁷. Россия, в свою очередь, убеждена в “кризисе идентичности”⁸⁸ организации, подчеркивая несостоятельность военно-политической корзины. Как заявляет глава МИД России С.В. Лавров, роль ОБСЕ после выбора в пользу политики расширения НАТО “была сведена к обслуживанию этой политики путем присмотра за гуманитарным измерением «к востоку от Вены»⁸⁹. В подтверждение своих тезисов в 2008 году Россия запустила корфусский процесс по восстановлению доверия между государствами и продвижению диалога по евро-атлантической и евразийской безопасности, предложив партнерам заключение Договора о европейской безопасности. Предложение, как упоминалось ранее, не получило должного признания со стороны принимающей стороны.

Накануне долгожданного Саммита ОБСЕ на высшем уровне в 2010 году (до 2010 года Саммиты на высшем уровне не проводились 11 лет) Россия предприняла ряд инициатив, главной из которых стало предложение принять Программу дальнейших действий в области контроля над вооружениями и мер доверия и безопасности. Формируя повестку встречи со своей стороны, Россия отметила, что приоритетные вопросы новой повестки дня, которые должны найти отражение в работе ОБСЕ, - противодействие терроризму, наркотрафику, торговле людьми и другим видам трансграничной оргпреступности⁹⁰. Россия и США накануне Саммита выдвинули в ОБСЕ “инициативу по обеспечению безопасности туристической сферы от террористических угроз, а также - совместно с Арменией, Белоруссией, Киргизией, США, Таджикистаном и Турцией - проект концепции ОБСЕ по борьбе с незаконным оборотом наркотиков и химических прекурсоров”⁹¹. В числе приоритетов повестки Россия также обозначила необходимость унификации принципов урегулирования региональных конфликтов, работы над внутренней транспарентностью организации (приводя в пример не дошедшие своевременно до

87 Там же

88 Статья Министра иностранных дел России С.В. Лаврова "Как преодолеть кризис идентичности". // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ . URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/osce/-/asset_publisher/bzhxR3zkq2H5/content/id/227080 (дата обращения: 10.07. 2017).

89 Там же

90 Там же

91 Там же

Постоянного совета ОБСЕ два доклада группы наблюдателей накануне грузино-югоосетинского конфликта в 2008 году) и в конце списка упомянула важность продолжения защиты прав человека и развития демократических институтов, подчеркнув, что в этой сфере страны-члены ОБСЕ нуждаются в обмене лучшей практикой, нежели в менторском подходе⁹².

Механизмы обеспечения “мягкой безопасности” в рамках ОБСЕ ограничиваются уровнями совместной выработки государствами-членами политических подходов к вопросам “мягкой безопасности” и формального мониторинга их реализации. Практические меры ОБСЕ чаще связаны со сферой урегулирования конфликтов (военно-политическое измерение), реже с вопросами “мягкой безопасности” и только в формате популяризации тех или иных подходов к борьбе с различными вызовами и угрозами (изменение климата, гендерное равенство, права национальных меньшинств и т.д.).

Российская политика в сфере “мягкой безопасности” на площадках Совета Европы и ОБСЕ носит нестабильный и фрагментарный характер. С одной стороны, Россия позиционирует себя, как государство, активно интегрирующееся в европейскую подсистему безопасности, способное и желающее совместно генерировать новые подходы к актуальным вызовам и угрозам. С другой стороны, постулируемые Россией приоритеты в повестке безопасности в большей степени тяготеют к вопросам военно-политического измерения, что представляется справедливым с точки зрения, к примеру, сложившегося тупика в общеевропейском диалоге о контроле над обычными вооружениями⁹³, однако не представляется таковым с точки зрения количества проблем в реализации Россией внутренней политики “мягкой безопасности”, регулярно подчеркиваемых системами мониторинга Совета Европы и ОБСЕ. Отделяя новую повестку дня безопасности от традиционной, Россия ограничивает ее, как правило, различными видами трансграничной преступности, отводя ведущее место антитеррористической политике. Сами по себе доступные механизмы для обеспечения “мягкой безопасности” на обеих площадках носят в основном либо общеполитический, либо юридический характер, что задает направление

92 Статья Министра иностранных дел России С.В. Лаврова "Как преодолеть кризис идентичности". // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ . URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/osce/-/asset_publisher/bzhxR3zkq2H5/content/id/227080 (дата обращения: 10.07. 2017).

93 Миссия (не)возможна: возобновление диалога о европейской безопасности. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/ru/magazine/315406> (дата обращения: 25.03.2018).

для решения проблем “мягкой безопасности”, однако не всегда способствует практической борьбе с конкретными вызовами и угрозами, что, в частности, подтверждает опыт российского участия в организациях. Исключение составляют двусторонние программы взаимодействия в рамках Совета Европы, однако сложившийся кризис в отношениях между Россией и Западом, ставит под вопрос и их реализацию.

2.1.2.2 Механизмы ОДКБ и СНГ.

Организация Договора о коллективной безопасности была создана в 1992 году в качестве региональной международной организации по безопасности и в настоящее время объединяет Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Россию и Таджикистан. Несмотря на достаточно универсальную цель объединения, сформулированную как “выработка общих позиций и поиск совместных подходов к актуальным проблемам международной повестки дня в вопросах международной и региональной безопасности и стабильности”⁹⁴ в повестке объединения лидирующее место занимают вопросы традиционной безопасности.

С 2006 года организация ставит своей целью стремление к многофункциональному формату, имея в виду расширение спектра региональных вызовов и угроз в повестке объединения. Таковым выделенным направлением сотрудничества внутри ОДКБ является “Противодействие современным вызовам и угрозам”. К числу таковых члены объединения относят террористические атаки, насильственные экстремистские действия, организованную преступность, включая наркотрафик, чрезвычайные ситуации, информационную безопасность, незаконная миграция. Институционально такое сотрудничество внутри ОДКБ представлено Рабочими группами и Координационными советами по соответствующим направлениям.

Ключевой формой практических мер внутри механизма борьбы ОДКБ с новыми вызовами и угрозами является “специальная операция” (спецоперация), - совокупность мероприятий, направленных на блокирование конкретных проявлений угрозы. Так, в рамках антинаркотического трека действует спецоперация “Канал”, задачей которой является “выявление и блокирование маршрутов контрабанды наркотиков, пресечение

94 Информация о структуре Организации Договора о коллективной безопасности. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт ОДКБ. URL: <http://www.odkb-csto.org/structure/> (дата обращения: 25.03.2018).

деятельности подпольных лабораторий, предупреждение утечки прекурсоров в нелегальный оборот, подрыв экономических основ наркобизнеса”⁹⁵. По аналогичному принципу (пресечение преступной деятельности) функционируют операции в сфере незаконной миграции (“Нелегал”) и информационной безопасности (“Прокси”). При этом в вышеупомянутых треках осуществляется также практика профилактических мер, однако информация о конкретных мерах отсутствует. Учитывая специфику подхода к обеспечению безопасности (в сотрудничестве объединены экспертиза и функции ведомств внутренних дел, правоохранительных органов стран ОДКБ), профилактические меры, должно быть, включают в себя инструменты контроля: досмотр, проверка и т.д.

Последними институциональными нововведениями ОДКБ в противодействии новым вызовам и угрозам стали создание в 2009 году по инициативе Казахстана Коллективных сил оперативного реагирования (КСОР), задачей которых является как раз проведение всех подобных вышеперечисленных операций, и создание по инициативе России Центра современных информационных технологий на базе МГУ, в задачи которого вошла разработка образовательных программ по информационной безопасности для государственных специалистов.

Являясь изначально механизмом обеспечения военно-политической стабильности в регионе, ОДКБ концентрирует усилия на вопросах “жесткой” безопасности. При этом, расширяя повестку организации в сторону новых вызовов и угроз, страны-члены концентрируют силы в унисон с традиционной безопасностью исключительно на тех стадиях становления угроз, которые связаны с фактором преступности. Методы борьбы ОДКБ с вызовами и угрозами, таким образом, включают исключительно реактивные меры, не уделяя внимание превентивной политике и ограничивая спектр акторов процесса государственными специализированными ведомствами.

Для России, безусловно, ОДКБ является площадкой ее политического лидерства. При этом российские усилия по формированию повестки организации развиваются в русле уже заданного вектора ОДКБ, единственными приоритетами в котором (в сфере мягкой безопасности) остаются такие региональные угрозы, как терроризм и наркотрафик, при этом в своих крайних проявлениях - формах преступности.

Вторым интеграционным объединением на постсоветском пространстве, вошедшим в выборочную совокупность исследования, стало Содружество Независимых Государств, образованное также после распада СССР в 1992 году. Сегодня СНГ

⁹⁵ Там же

объединяет 9 государств: Азербайджан, Армению, Белоруссию, Казахстан, Киргизию, Молдавию, Россию, Таджикистан и Узбекистан. Общей целью организации является сотрудничество между странами-членами по очень широкому спектру направлений: политическому, экономическому, культурному, социальному и т.д.⁹⁶ Вместе с тем, характер функционирования СНГ, особенно на фоне турбулентных политических процессов в Украине, Грузии, Молдавии и Киргизии 2003 - 2005 гг., большинство экспертов привыкли определять как аморфный, размытый. Актуальным на фоне центробежных процессов в СНГ, особенно для России, долгое время оставался вопрос потенциального реформирования организации. Вместе с тем, надежды на “реальные достижения политического, экономического и военного характера”⁹⁷ в рамках СНГ неоднократно признавались и политиками, и академическими деятелями, утопическими.

Сотрудничество в рамках СНГ в специально выделенном формате “Сотрудничество в сфере безопасности” включает в себя ряд направлений, среди которых к сфере “мягкой безопасности” относятся: борьба с терроризмом, миграционные вопросы, финансовые расследования, уголовно-исполнительная отрасль, противодействие коррупции, промышленная безопасность, вопросы гидрометеорологии, работа с чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера, вопросы дистанционного зондирования Земли, экологическая безопасность, и борьба с торговлей людьми. Вместе с тем, не включенными формально в направление “Сотрудничество в сфере безопасности”, однако, имеющими отношение к исследуемому вопросу относятся направления сотрудничества сторон внутри вектора “Гуманитарное сотрудничество”: здравоохранение и социально-трудовая защита.

Институционально совместная политика “мягкой безопасности” членов СНГ представлена межгосударственными советами и советами руководителей конкретных служб от каждого государства-члена. В состав Межгосударственного совета по геодезии, картографии, кадастру и дистанционному зондированию Земли и Межгосударственного совета по промышленной безопасности также входят несколько рабочих групп, однако работа последнего совета поделена между рабочими группами исключительно по функционалу и не предполагает более предметных направлений сотрудничества.

96 Справочные материалы о Содружестве независимых государств. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт ОДКБ. URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=19397> (дата обращения: 25.03.2018).

97 О политике Российской Федерации на пространстве СНГ // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Совета безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/council/session/2005/> (дата обращения: 25.03.2018).

Меры противодействия органов вызовам и угрозам в большей степени предпринимаются в следующих форматах: заседания советов (выработка совместных подходов), соглашения о сотрудничестве в конкретных сферах (например, в борьбе с обращением фальсифицированных лекарственных средств), совместная научно-исследовательская работа, подготовка кадров в странах-членах в соответствии с едиными подходами в конкретной сфере. Исключения составляют только следующие единичные форматы: механизм обзора реализации государств-членов взятых на себя обязательств в Межгосударственном совете по противодействию коррупции; поддержка Межгосударственным советом по промышленной безопасности организации Международного форума по промышленной безопасности, главным стейкхолдером которого является российская группа компаний “Городской центр экспертиз” и пилотный проект по созданию единой инфраструктуры пространственных данных на территории стран СНГ внутри Межгосударственного совета по геодезии, картографии, кадастру и дистанционному зондированию Земли. Примечательно, что в направлениях деятельности двух советов (Совет руководителей пенитенциарных служб и Межгосударственный совет по противодействию коррупции) зафиксирована работа целевых программ, однако информации о реализованных или хотя бы планируемых таких программах нет.

Формально (цели и институциональная структура) сотрудничество в сфере “мягкой безопасности” в рамках СНГ можно охарактеризовать как удовлетворительное. Организацией секьюритизирован достаточно широкий спектр актуальных для ее членов вопросов, выходящих за пределы традиционной парадигмы безопасности (даже несмотря на то, что часть из них сама организация не относит к вопросам безопасности). Однако, практическая часть механизма носит весьма инертный и не системный характер. Так, работа советов и рабочих групп практически не выходит за рамки выработки общих подходов и заключения соглашений о сотрудничестве в конкретных вопросах, а тот минимум проектной деятельности, который представлен прототипом web-портала для предоставления картографической и тематической информации на согласованную территорию СНГ, реализован узким кругом национальных картографических служб.

Интеграция на постсоветском пространстве для России носит стратегически важный характер и является геополитическим приоритетом, однако работа СНГ по сравнению с интенсивно развивающимся Евразийским экономическим союзом, безусловно, отличается низким уровнем активности государств-членов, в том числе, в составляющих солидную долю их кооперации вопросах “мягкой безопасности”. Россия является лидером площадки

с точки зрения задействованной в совместной работе стран-членов российской экспертизы (Россия является председателем в 70% советов СНГ по вопросам “мягкой безопасности”), однако этот факт, по всей видимости, не сказывается на динамике сотрудничества внутри организации.

СНГ и ОДКБ в каком-то смысле делят между собой повестку безопасности в регионе. Так, большая часть вызовов и угроз человеку и обществу находится в зоне ответственности СНГ. При этом, интенсивность и формы этого сотрудничества с точки зрения категории “методы обеспечения безопасности” находятся на низком уровне.

2.1.2.3 Механизмы ОЧЭС, ШОС и БРИКС.

Организация Черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС) является еще одной межправительственной региональной организацией, в которую Россия входит с 1992 года (с момента создания). ОЧЭС объединяет 12 государств Причерноморья и Южных Балкан (Азербайджан, Албания, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдавия, Россия, Румыния, Сербия, Турция и Украина), ее целями наряду с ключевым экономическим вектором заявлены общее развитие сотрудничества, мира, стабильности и процветания в бассейне Чёрного моря.

Деятельность ОЧЭС включает в себя следующие направления политики “мягкой безопасности”: продовольственная безопасность (в рамках направления сотрудничества “сельское хозяйство”), чрезвычайные ситуации, борьба с организованной преступностью, защита окружающей среды, здравоохранение и фармацевтика, надлежащее управление. Работа по направлениям ведется в рамках отдельных рабочих групп и трех специальных групп: по сейсмическим рискам, обширным лесным пожарам и по наводнениям. Практическим результатом работы групп в основном становятся: принятие совместных деклараций, выработка общих стандартов и мер в узкоспециальных направлениях актуальных для региона (например, производство винограда в рамках политики продовольственной безопасности), обмен опытом и усиление сотрудничества между ведомствами. Единственным примером проектной работы в рамках ОЧЭС стал в 2012 году пилотный совместный проект ОЧЭС и Германского общества международного сотрудничества (в рамках рабочей группы по здравоохранению, задачей которого была выработка и синхронизация позиций государств-членов по концепции “зеленой”

экономики и ее продвижению. Главным результатом проекта стали страновые обзоры, подготовленные по результатам анализа потенциальной правовой базы для развития “зеленой” экономики в Азербайджане, Украине и России⁹⁸. Проектная деятельность также входит в планы по развитию рабочей группы по здравоохранению и фармацевтики. Так, к рассмотрению представлены: проект по созданию национальных регистров граждан, больных диабетом, и создание региональной площадки для тренировки сил оперативного реагирования в сфере здравоохранения⁹⁹. Примечательно, что отдача от деятельности некоторых рабочих групп отличается очень низкой динамикой. Так, например, в отчете одной из последних встреч рабочей группы по надлежащему управлению подчеркнуто, что к настоящему моменту (05.2017) нет ни одного соглашения/меморандума о взаимопонимании между странами-членами ОЧЭС в сфере институциональной модернизации и надлежащего управления¹⁰⁰.

Россия признает ведущую роль ОЧЭС в развитии сотрудничества и упрочению стабильности в регионе Черного моря¹⁰¹. В свою очередь, Россия является координатором трех специальных рабочих групп ОЧЭС: по сейсмическим рискам, обширным лесным пожарам и наводнениям. По инициативе России в ОЧЭС ведется обсуждение создания Черноморского электроэнергетического кольца. В свой председательский срок (1 половина 2016 года) Россия “проводила линию на создание условий для повышения экономической отдачи от деятельности ОЧЭС”¹⁰². Главным итогом председательства России в ОЧЭС стали инициатива и создание механизма развития проектного сотрудничества в Черноморском регионе. “В 2016 г. в соответствии с отдельным Донорским соглашением между Правительством России, Секретариатом ЧЭС и Черноморским банком торговли и развития в ОЧЭС был переведён 1 млн долл. США. Целями проектного механизма станут проекты в

98 Regional review on legal framework for a green economy within The BSEC member States. // [Электронный ресурс]. Official website of BSEC. URL: <http://www.bsec-organization.org/aoc/environprotect/Pages/130129%20MEMO%20014%20-%20Attachment%201%20reduced%20size%20for%20website.pdf> (дата обращения: 31.03.2018).

99 Conclusions of the informal meeting of The BSEC working group on health care and pharmaceuticals in 2016 // [Электронный ресурс]. Official website of BSEC. URL: <http://www.bsec-organization.org/aoc/healthcarepharma/Reports/00%20Draft%20Report%20WGHP%204%20November%202016.pdf> (дата обращения: 31.03.2018).

100 Report of the meeting of the BSEC working group on Institutional Renewal and Good governance in 2017. // [Электронный ресурс]. Official website of BSEC. URL: <http://www.bsec-organization.org/aoc/Institutionalrenewal/Reports/Report%20Sofia2017.pdf> (дата обращения: 31.03.2018).

101 Справочная информация об Организации Черноморского Экономического сотрудничества. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/zwI2FuDbhJx9/content/organizacia-chernomorskogo-ekonomiceskogo-sotrudnicstva-ces- (дата обращения: 31.03. 2018).

102 Там же

сферах возобновляемой энергии, энергоэффективности, «зеленых» технологий, развития малого и среднего предпринимательства, улучшения региональной и муниципальной инфраструктуры, наращивания экспортного потенциала государств региона и др.

Шанхайская организация сотрудничества объединила в 2001 году Казахстан, Китай, Киргизию, Россию, Таджикистан и Узбекистан в расширение действующей с 1997 года в рамках соглашения о укреплении доверия в военной области и о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы “Шанхайской пятерки” (Казахстан, Киргизия, Китай, Россия и Таджикистан). Общими целями ШОС является укрепление взаимного доверия и добрососедства между странами-участницами и содействию их сотрудничества по очень широкому ряду направлений, включая вопросы безопасности. При этом приоритетным направлением деятельности ШОС провозглашена борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹⁰³. Приоритет определил усилия по формированию особого института в рамках ШОС - Региональной антитеррористической структуры (РАТС), объединившей руководителей национальных ведомств, ответственных за противодействие терроризму. Наряду с мерами пресечения террористических актов на стадии подготовки, РАТС также практикует механизмы выявления и последующей блокировки источников финансирования терроризма, организует совместную подготовку соответствующих специалистов, а также использует особый механизм координации национальных ведомств при проведении крупных международных мероприятий в странах-членах ШОС.

Среди других направлений “мягкой безопасности” - рабочая группа по здравоохранению, действующая в рамках неправительственной структуры ШОС - Делового совета. Интересной инициативой группы является отбор проектов для создания в рамках ШОС структуры по типу Всемирной организации здравоохранения, которая занималась бы “совершенствованием медицинского обслуживания, развитием профилактической направленности здравоохранения, удовлетворением потребностей населения в высокотехнологичных видах медицинской помощи”¹⁰⁴. Так, потенциальными направлениями такой работы ШОС видятся: программы ОМС, создание Центра медицины катастроф, который занимался бы ликвидацией и преодолением последствий чрезвычайных ситуаций, профилактика распространения инфекционных заболеваний,

103 Выступление директора Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры ШОС Е.С. Сысоева на Форуме ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности в 2017 г. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ . URL: http://www.mid.ru/ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/2751965 (дата обращения: 01.04. 2018).

104 Структура Шанхайской организации сотрудничества. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт ШОС. URL: <http://rus.sectsc.org/structure/> (дата обращения: 01.04. 2018).

внедрение программы “Телемедицина”, которая предоставляла бы доступ населению труднодоступных и отдаленных районов медицинские услуги с помощью высокотехнологичных устройств¹⁰⁵ и т.д.

В планах организации также создание по инициативе России антинаркотического подразделения в рамках РАТС, которое бы противодействовало наркоэкспансии с Афганистана, в котором показатели производства опиатов в 2017 г. снова были рекордными¹⁰⁶. Эта задача представляется крайне актуальной еще и по причине, как отмечает заместитель Министра иностранных дел России О.В.Сыромолотов, “малоэффективности действий различных иностранных присутствий в борьбе с наркопроизводством в Афганистане¹⁰⁷”.

Россия решительно поддерживает и инициирует утверждение ШОС в качестве авторитетного регионального объединения в вопросах формирования в регионе зоны безопасности. При этом, очевидно, что повестка безопасности объединения подобно ОДКБ фокусирует внимание на исключительно наиболее острых для региона проблемах безопасности: терроризм и наркотрафик. Исключение в случае с ШОС составляет точечная инициатива в сфере здравоохранения.

Объединение России, Бразилии, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики в 2006 году в рамках неформального дискуссионного клуба БРИКС ставит своей целью активное сотрудничество в рамках поддержки развивающихся экономик и формирования полицентричного миропорядка. Своей ключевой задачей страны БРИКС видят трансформацию сложившейся международной финансово-валютной системы, особенно Международного валютного фонда¹⁰⁸. Стратегическим приоритетом БРИКС, в том числе, является совместное решение острых социально-экономических и социально-политических проблем¹⁰⁹. К таковым объединение относит преимущественно региональные конфликты, борьбу с международным терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, угрозы информационной безопасности. Вместе с тем, обсуждению в рамках

105 Там же

106 Об участии главы российской делегации – заместителя Министра иностранных дел России О.В. Сыромолотова в совместном мероприятии ШОС и Управления ООН по наркотикам и преступности «ООН и ШОС в противодействии незаконному обороту наркотиков: новые вызовы и совместные действия» в рамках 61-й сессии Комиссии ООН по наркотическим средствам.// [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos/-asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/3117427 (дата обращения: 01.04. 2018).

107 Там же

108 Россия в БРИКС. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт “Гражданский БРИКС”. URL: <http://www.civilbrics.ru/brics/rus-brics.php> (дата обращения: 01.04. 2018).

109 Там же

БРИКС подлежат вопросы здравоохранения, продовольственной безопасности, борьбы с бедностью и социальным неравенством. Практическим результатом такого обсуждения пока являются исключительно секторальные соглашения сторон.

Вместе с тем, как отмечает посол по особым поручениям МИД РФ В.Б. Луков, БРИКС находится на стадии активной институционализации¹¹⁰, что, очевидно открывает перспективы для более предметного сотрудничества по вопросам, в том числе, “мягкой безопасности”.

В совместной Декларации Гоа 2016 года страны-члены БРИКС признают тесную взаимосвязь развития и безопасности, а также важнейшее значение целостного подхода к устойчивому развитию, ориентированного на интересы человека¹¹¹. В 2014 году в рамках БРИКС был создан Новый банк развития, в первую очередь займов которого вошли проекты в сфере возобновляемой энергетики.

Интересной инициативой БРИКС с точки зрения категории методы обеспечения безопасности является создание по инициативе российской стороны такого инновационного политического процесса, как “Гражданский БРИКС”. Платформа объединяет различных представителей гражданского общества с целью его вовлечения в формирование повестки БРИКС, в том числе, по обсуждаемым правительствами вопросам “мягкой безопасности”. Механизмами такого вовлечения являются, с одной стороны, выработка Гражданским БРИКС согласованных рекомендаций правительствам объединения, а с другой - некий мониторинг/контроль результатов деятельности государств-участников, выполнения ими своих обязательств. Иными словами, неправительственный сектор оказывает своего рода консультативную поддержку государствам-участникам.

БРИКС был создан по российской инициативе. На сегодняшний день политика России сохраняет свой уровень мотивации в становлении и развитии клуба, что подтверждают ее постоянные крупные инициативы. Так, российская сторона разрабатывает и внедряет Дорожные карты инвестиционного и торгового сотрудничества, Стратегию экономического сотрудничества в целом, выносит на обсуждение идею создания виртуального Секретариата, продвигает перспективу сотрудничества в культурной сфере, инициирует создание около половины действующих рабочих групп объединения и т.д.

110 Там же

111 Декларация Гоа стран-участниц БРИКС 2016 г. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5139/print> (дата обращения: 01.04. 2018).

В годы своего председательства в БРИКС в 2015-2016 гг. Россия оформляла в приоритеты перспективы становления сотрудничества в следующих вопросах “мягкой безопасности”: миграция и социально-трудовые отношения (создание Рабочей группы по социально-трудовым вопросам) и усиление роли России в деятельности БРИКС в сфере здравоохранения (инициатива создания комплекса практических договоренностей “Вклад БРИКС в повышение глобальной безопасности здоровья”).

Рассмотренные механизмы “рамочного” типа, таким образом, можно условно разделить по степени целостности подхода к обеспечению “мягкой” безопасности на две группы: европейская практика (СЕ, ОБСЕ) и остальная интеграция (ОДКБ, СНГ, ОЧЭС, ШОС, БРИКС). Принципиальным отличием первой от второй является широкая повестка “мягкой безопасности”. Так, общеевропейские механизмы секьюритизируют полный спектр вызовов и угроз человеку и обществу: защита окружающей среды, здравоохранение, права человека, демократическое развитие, борьба с торговлей людьми, борьба с коррупцией, терроризм, верховенство закона, миграционная политика, информационная безопасность. В свою очередь, интеграция на постсоветском пространстве, в черноморском регионе, на площадках ШОС и БРИКС, очевидно, уделяет первостепенное внимание проблемам терроризма, наркотрафика, организованной преступности, информационной безопасности, миграционным вопросам и чрезвычайным ситуациям - угрозам, которые либо имеют критический статус, требующий принятия реактивных мер, либо представляют угрозу, в первую очередь, для государства. Безопасность человека и общества актуальна для второй группы, в основном, в направлениях экологической безопасности и вопросах здравоохранения, однако работа над последними, во-первых, носит несистемный характер (точечные инициативы, как планы по созданию “ШОС ВОЗ”, совместный экологический проект ОЧЭС и Германского общества международного сотрудничества и др.), во-вторых, имеет приоритет далеко не первой очереди, в третьих, чаще не относится к категории “безопасность”, а представляется сектором гуманитарного сотрудничества или социально-экономическими и социально-политическими проблемами.

Для объединений второй группы характерен более выраженный приоритет экономического развития, поскольку в их состав входят преимущественно страны с

переходной экономикой и развивающиеся страны. Поэтому усилия по созданию максимально эффективных механизмов кооперации (институционализация и практические меры) в основном сконцентрированы в сфере экономики. В широкой сфере безопасности для второй группы объединений острое региональное значение имеют проблемы терроризма и наркотрафика (афганская и сирийская проблемы), что, возможно, обуславливает гораздо меньшую приоритетность более “мягких” вызовов и угроз. Вместе с тем, широко известно, что показатели по ряду таких направлений (права человека, гендерное равенство, борьба с коррупцией, охрана окружающей среды, социальное неравенство и др.) в странах-членах объединений второй группы существенно ниже, чем в развитых европейских странах. В этом смысле логичным представляется условно поделить рассмотренные механизмы “рамочной группы” по критерию “широта повестки безопасности” на три категории: 1. комплексный западноевропейский подход к безопасности (СЕ, ОБСЕ); 2. гибридный подход: с отдельными чертами комплексного подхода к МБ (ОЧЭС); 3. ограниченный подход (ОДКБ, СНГ, ШОС, БРИКС). Разница между повесткой ОЧЭС (вторая категория) и повесткой объединений третьей категории незначительна, однако, вероятно, ввиду определенной доли членства в ОЧЭС стран ЕС, повестка “мягкой безопасности” в организации в целом несколько шире, чем у объединений третьей категории, и включает в себя вопросы надлежащего управления, которые не входят в повестку последних. Ограниченный подход к безопасности в объединениях третьей категории определяет лишь точечное выделение ими наиболее “мягких” вызовов: социальное неравенство (БРИКС), коррупция (СНГ), здравоохранение (ШОС). Такая категоризация “рамочных” механизмов показательна в том смысле, что степень “движения” повестки в сторону максимально антропоцентричных вопросов безопасности (от третьей категории к первой) развивается в обратном направлении по отношению к уровню развития и обеспеченности безопасности этих направлений в странах-членах объединений трех категорий.

Методы обеспечения безопасности внутри “рамочных” механизмов по уровню своего развития и эффективности в каком-то смысле можно категоризировать аналогичным образом критерию “широта повестки”. Так, юридически обязательный характер конвенций Совета Европы, двусторонние программы сотрудничества внутри СЕ, мониторинговые механизмы СЕ и ОБСЕ носят более прикладной и системный характер, чем точечные (ОЧЭС, СНГ, ШОС, БРИКС) и чаще инертные (ОЧЭС, СНГ) инициативы остальных интеграционных объединений. Вместе с тем, следует отметить интересную тенденцию

своеобразной адаптации западных подходов к политике “мягкой безопасности” в рамках более молодых и “амбициозных” интеграционных проектов ШОС и БРИКС. Так, постулируя высокую значимость участия гражданского общества в интеграционном процессе, БРИКС создает отдельную площадку “Гражданский БРИКС”, объединяющую неправительственный сектор стран-членов клуба. Вместе с тем, особенностью данного подхода является наделение гражданского общества “номинальной властью”, поскольку, реализуя исключительно консультативную функцию для своих правительств, отдельная площадка, таким образом, не принимает никакого практического участия в сотрудничестве, правительства не делегируют ему непосредственное обеспечение безопасности, как это принято в западной политической культуре.

Общей чертой всех механизмов данного типа и одновременно причиной их объединения в единую группу является отсутствие в них элемента систематической проектной деятельности. Так, единичными прецедентами являются некоторые форматы внутри двусторонних программ СЕ, пилотный картографический проект в рамках СНГ и пилотный проект внутри ОЧЭС.

Участие России в рассмотренных интеграционных объединениях с точки зрения политики “мягкой безопасности” носит различный характер. Так, европейский вектор, с одной стороны, позволяет России в определенной мере формировать соответствующее правовое пространство, развивать свой демократический потенциал, “подтягивать” наиболее проблемные зоны (как, например, права человека, правосудие, надлежащее управление в целом), с другой стороны, российский и западный подходы к безопасности не находят единства в выстраивании приоритетов. Так, Россия указывает на несостоятельность военно-политической корзины ОБСЕ, в то время как ЕС и ОБСЕ критикуют Россию за недостаточное внимание последней к человеческому измерению. Ситуацию осложняет сложившийся кризис в российских отношениях с Европой после украинского кризиса 2014 года. Исключение составляет интеграция России в субрегионе Нового Севера, политическая повестка которого концентрирует внимание исключительно на механизмах совместного максимально практического решения общих проблем “мягкой безопасности”.

В свою очередь, российская политика на площадках ОЧЭС, ШОС, БРИКС, характеризуемых степенью большей согласованности в подходах участников к кооперации развивается в русле пока ограниченного подхода к безопасности. Он включает в себя в основном либо угрозы, лежащие на стыке “жесткой” и “мягкой” безопасности (терроризм,

организованная преступность), либо наиболее критичные с точки зрения “пороговых” значений безопасности (наркотрафик, миграционные вопросы), либо угрозы, которые носят государство-центричный характер (информационная безопасность). Приоритетами интеграции в данных регионах являются экономические и общестратегические факторы. Методы обеспечения безопасности в последних, как и в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве, не отличаются особым вниманием к превентивным мерам и максимальной диверсификации субъектов безопасности, поэтому их потенциальная эффективность существенно уступает европейскому вектору. Вместе с тем, стоит отметить, что сама Россия выдвинула ряд инициатив в развитие методов обеспечения “мягкой безопасности” в рамках ОЧЭС (механизм проектного сотрудничества) и БРИКС (“Гражданский БРИКС”).

2.2 Российское содействие международному развитию.

По официальной международной терминологии Россия является новым донором международной помощи и пока не входит в Комитет содействия развитию (КСР) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Первая стратегическая концепция СМР появилась в России в 2007 году. В ней делалась ставка на участие России в многосторонних программах помощи на базе международных организаций, поскольку в таких программах налажены механизмы, существует отчетность и экспертиза. Россия, в свою очередь, обозначала свое активное стремление к официальному статусу донора. В 2008 году было создано подведомственное МИД РФ Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), после чего СМР стало отдельным направлением деятельности агентства. Как и заявлено в названии, агентство таргетирует свою помощь, преимущественно, на страны СНГ.

Вместе с обновленной концепцией СМР в 2014 году существенно возросло значение внешнеполитического фактора при определении приоритетов СМР, при этом роль мировой повестки дня отошла на задний план. В концепции отмечается, что “Россия рассматривает содействие международному развитию как один из эффективных механизмов решения глобальных и региональных проблем, противодействия новым вызовам и угрозам, а также поддерживает стремление международного сообщества к устойчивому социально-экономическому развитию всех государств, являющемуся фундаментом современной

системы международной стабильности и коллективной безопасности”¹¹². При этом особое внимание Концепция уделяет задаче получения максимальной отдачи от программ помощи, поэтому теперь приоритетным форматом СМР для России становятся двусторонние программы помощи. Как известно, с 2012 года Россия активно наращивает усилия в реализации ставшей популярной во всем мире концепции “мягкой силы”. Содействие международному развитию, таким образом, становится инструментом наращивания политического имиджа, достижения признания. Однако ряд исследователей (Лебедева М.М.¹¹³, Соловьев Э.Г.¹¹⁴, Радиков И.В.¹¹⁵ и др.) сходятся во мнении, что российский подход к политике “мягкой силы” делает ставку на “фактор присутствия” и информационно-коммуникационные инструменты, упуская из вида критерий “естественной привлекательности” нации, ключевую цель подхода по Джозефу Наю.

Согласно открытым данным Россотрудничества, на сегодняшний день существует одна двусторонняя программа помощи - Программа партнерства Российской Федерации и Киргизской республики. Задачей российской помощи обозначается “содействие в достижении устойчивого социально-экономического развития Киргизии путем выделения средств на поддержку бюджета, на проекты по поддержке системы образования, здравоохранения, продовольственную безопасность, на восстановление социальных объектов и т.д.”. По словам Заместителя начальника Управления СМР и взаимодействию с международными организациями Ермолова М.О, более детальная информация о текущей программе помощи (предметные направления расходов) отсутствует, для анализа доступна и релевантна только статистика российских бюджетных ассигнований, из которой будут понятны объемы помощи¹¹⁶. Некие иные двусторонние программы помощи по словам Ермолова М.О. находятся в стадии разработки и, соответственно, информация о них также отсутствует¹¹⁷.

112 Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию 2014 // [Электронный ресурс]: Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/64542 (дата обращения: 05.02.2018).

113 Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. - №2. – С. 48

114 Соловьев Э. Г. «Человеческая безопасность» и «мягкая сила» во внешней политике РФ // Вестник Московского ун-та. Серия: Политические науки. 2010. № 4. С. 72

115 Радиков И.В. Ресурсы и потенциал российского влияния на систему международной безопасности // Вестник СПбГУ серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2013. – выпуск 3. – С. 71

116 Устный телефонный комментарий заместителя начальника управления по содействию международному развитию (Россотрудничество) Ермолова М.О. в рамках предпринятой автором попытки запросить информацию о российских программах СМР.

117 Там же

В формате многосторонних программ Россия осуществляет помощь через Группу Всемирного банка, институты ООН, крупные глобальные инициативы и целевые фонды. К примеру, к 2014 году (к сожалению, информация о программах в последующие годы отсутствует) Россия профинансировала 21 трастовый фонд МАР/МБРР. Направлениями деятельности фонда являются: борьба с инфекционными заболеваниями, продовольственная безопасность, доступ к энергоресурсам, качество школьного образования и программы социальной поддержки населения¹¹⁸. За время председательства России в АТЭС (2012), в “Группе Двдцати” (2013) и в БРИКС (2015) Россия стала инициатором и участником ряда мероприятий на площадках форумов, посвященных вопросам “мягкой безопасности”: преодоление последствий стихийных бедствий, методология оценки рисков долгового кризиса, занятость населения, транспарентность сферы строительства, продовольственная безопасность, доступ женщин к финансовым услугам, борьба с инфекционными заболеваниями, привлечение населения к подобным программам¹¹⁹.

К официальной помощи развитию (ОПР) согласно международной терминологии относятся не только программы финансирования, но и любые проекты, связанные с сотрудничеством сторон, приносящие некие дивиденды стране-реципиенту. Россия, в том числе, практикует такой формат. К примеру, в отчете Министерства финансов по российскому вкладу в СМР за 2014 год (к сожалению, подобные отчеты за последующие годы отсутствуют) перечислен ряд мероприятий, проведенных с участием двенадцати государственных органов РФ. Среди форматов проектов - образовательные программы/мероприятия, призванные повысить потенциал экспертизы реципиента, и оказание какой-либо технической поддержки (поставка товаров, оказание услуг в конкретной экспертной области). Сферами оказания такого содействия являлись здравоохранение (борьба с инфекционными заболеваниями), продовольственная безопасность (поставка продовольствия и сельскохозяйственной техники), антинаркотическая политика, меры по предотвращению отмывания доходов, финансируемых терроризм, таможенный контроль и предупреждение чрезвычайных ситуаций. Регионально 40% помощи направлялось в страны Восточной Европы и Центральной Азии, 29,76 % - в страны Латинской Америки, остальной объем распределен

118 Россия и Всемирный банк: международная помощь на цели развития // [Электронный ресурс]: Всемирный банк. URL: <http://www.vsemimyjbank.org/ru/country/russia/brief/international-development> (дата обращения: 16.02.2018).

119 Там же

между Южной, Восточной и Юго-Восточной Азией, Ближним Востоком и странами Африки¹²⁰.

Важной инициативой России на международном уровне стало создание Евразийского фонда стабилизации и развития на базе ЕврАзЭС в 2009 году, российский вклад в который составил 7,5 млрд. долларов США или 99,8% общего бюджета фонда. В рамках фонда в 2015 году был создан грантовый механизм, согласно которому гранты предоставляются для финансирования проектов государств-участников в следующих направлениях: образование; здравоохранение; эффективность государственного управления; социальное обеспечение и защита, продовольственная безопасность¹²¹. В 2010 году на базе МГУ был создан Евразийский центр по продовольственной безопасности (он же - Аграрный центр МГУ), задача которого - "стимулировать и координировать коллективные действия по укреплению продовольственной безопасности в Центральной Азии и на Южном Кавказе как в регионах, чья экономическая и социальная стабильность важны для Российской Федерации, через исследование и развитие для устойчивого управления природными ресурсами и регулирования продовольственных рынков"¹²². С 2013 года Центр активно сотрудничает с рядом ведущих международных профильных центров включая институты системы ООН, Международный фонд сельскохозяйственного развития, Глобальный форум по сельскохозяйственным исследованиям и другие центры.

Среди внутрироссийских инициатив в сфере СМР - подготовка соответствующих кадров. На базе нескольких крупных вузов (МГИМО, РАНХиГС, МГУ) были разработаны и внедрены в магистерские программы отдельные курсы, посвященные СМР, а Женевским институтом международных отношений и развития была разработана программа MBA для российских специалистов-практиков. В 2008 году по государственной инициативе был создан Центр международного сотрудничества по развитию образования с целью "реализации инициатив по содействию международному развитию для осуществления работ по повышению качества базового образования"¹²³.

120 Россия и Всемирный банк: международная помощь на цели развития // [Электронный ресурс]: Всемирный банк. URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/brief/international-development> (дата обращения: 16.02.2018).

121 Евразийский фонд стабилизации и развития // [Электронный ресурс]. URL: <https://efsd.eabr.org/grants/> (дата обращения: 16.02.2018).

122 Евразийский центр по продовольственной безопасности // [Электронный ресурс]. URL: <http://ecfs.msu.ru/ru> (дата обращения: 16.02.2018).

123 Центр международного сотрудничества по развитию образования // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ciced.ru/o-tsentre/> (дата обращения: 20.02.2018).

С принятием новой Концепции СМР в 2014 году Деловой Совет при МИД РФ провел презентацию политики СМР для российского бизнеса. В заседании приняли участие представители крупных российских компаний: «Росатом», «Зарубежнефть», ВЭБ, «Газпром», РЖД, «Русал», «РусГидро» и другие. По словам бывшего главы Россотрудничества К. Косачева “до 2014 года Бизнес в данной сфере существовал сам по себе, а государство с его проектами — само по себе”¹²⁴. Задачей политики СМР государство теперь видит активизацию программ государственно-частного партнерства по двум потенциальным направлениям: продвижение интересов российского бизнеса путем его подключения к существующим программам (государственная закупка товаров отечественного производства для реализации программ помощи) или дипломатическая поддержка в рамках международных механизмов выхода отечественного бизнеса на развивающиеся рынки по запросу компании. Однако на сегодняшний день открытая информация о реализованных программах государственно-частного партнерства в рамках программ помощи отсутствует.

Содействие международному развитию в теоретическом плане представляет собой один из ключевых инструментов государственной политики “мягкой безопасности”, поскольку в полной мере соответствует ее императивам. Объектом безопасности в нем выступают, в первую очередь, человек и общество, а не государство, как в традиционной геополитической парадигме. Субъектом безопасности в нем должны выступать различные акторы: и государство, и бизнес, и гражданское общество.

Стоит отметить, что само по себе становление и развитие системы содействия международному развитию в России уже свидетельствует о приверженности России «мягкой» парадигме безопасности. Однако анализ демонстрирует ряд пробелов в системе, работа над которыми представляется перспективной с точки зрения совершенствования механизма.

Очевидно, что Россия таргетирует программы помощи преимущественно на человека и общество, поэтому в категории «объект безопасности» стратегия соответствует концепции. И в рамках реализуемых программ помощи, и, формируя повестку дня на площадках международных форумов, Россия отдает предпочтение таким направлениям СМР, как здравоохранение, продовольственная безопасность, сельское хозяйство, развитие человеческого потенциала, образование, противодействие чрезвычайным ситуациям.

124 Интервью К. Косачева // [Электронный ресурс]: Газета Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2459978> (дата обращения: 20.02.2018).

Примечательно, что среди направлений российской помощи при этом не встречаются вопросы социального неравенства, коррупции и политической транспарентности.

В категории «субъект безопасности» ситуация обстоит несколько сложнее. Государство заявляет о том, что участие бизнеса и гражданского общества имеет важное значение для российских программ помощи, однако доля участия в них негосударственных акторов пока незначительна по сравнению с ролью государства. С точки зрения участия бизнеса в программах СМР примером может служить опыт привлечения частного сектора институтами ООН. Решения в такого рода сотрудничестве могут быть более нестандартными, чем прямое финансирование или сбыт товаров и услуг внутри государственных программ помощи. Яркое тому подтверждение - кейс компании Mastercard, которая бесплатно выдавала карты беженцам во время событий Арабской весны. Некоммерческий негосударственный сектор, в том числе, пока отличается малой долей участия в программах по сравнению с государством. Кроме того, НКО функционируют в ограниченном диапазоне направлений помощи. Как правило, это программы, связанные с образованием. Наиболее «острые» направления программ (здравоохранение, продовольственная безопасность и т.д.) закрывают государственные инициативы. Исключение и пример для дальнейших инициатив составляет только создание Евразийского центра продовольственной безопасности.

В категории «методы обеспечения безопасности» релевантной для анализа является тенденция к преобладанию внешнеполитического фактора в стратегии российского СМР по сравнению с Глобальной повесткой дня и вопросами безопасности. В этом смысле фокус на объемах помощи представляется менее эффективным для страны-реципиента и международной безопасности в целом, чем наполнение программ помощи практическими мерами по наиболее актуальным направлениям с точки зрения современных вызовов и угроз, – транзитом экспертизы, совместной разработки стратегий и технического содействия в целом. При этом акцент на двусторонние программы помощи открывает очевидную перспективу для подобного наполнения программ. Двусторонний формат, очевидно, упрощает и ускоряет процесс совместной секьюритизации проблемы и разработки прикладных программ помощи.

Представляется, что перспективы развития и эффективной реализации российских программ помощи, как с точки зрения укрепления системы международной безопасности, так и с точки зрения наращивания политического признания, будут возрастать по мере их наполнения максимально социально-ориентированными практическими мерами и

расширения круга акторов СМР до максимального вовлечения в программы гражданского общества и частного сектора.

Заключение.

Результатом проведенного анализа стали определение сложившейся международной практики с участием России по совместному обеспечению “мягкой безопасности” (далее - МБ), определение тенденций ее развития, выявление наиболее успешных форматов

механизмов обеспечения безопасности, определение российского политического вектора в развитии механизмов.

Так, механизмы обеспечения МБ в рамках интеграционных объединений с участием России в подтверждение обозначенной до исследования гипотезы делятся на две группы. Первые представляют собой наиболее успешную практику, ключевыми особенностями которой с точки зрения теории МБ являются:

- глубокая региональная интеграция (формирование единой идентичности на фоне совместного противодействия вызовам и угрозам МБ);
- единый концептуальный ландшафт: все участники процесса разделяют понятие МБ и подходы к обеспечению;
- наиболее детализированные и “прикладные” форматы обеспечения МБ, основополагающим в которых является формат проектной деятельности.

Так, интеграционные процессы на Новом европейском Севере включают в себя такие наиболее успешные механизмы обеспечения МБ, как: природоохранное партнерство (NDEP) в рамках “Северного измерения” (СИ) (многоуровневые, многофункциональные, высокотехнологичные проекты по обеспечению экологической безопасности и устойчивого развития региона); партнерство СИ в области здравоохранения и социального благополучия (NDPHS) (прикладные методики распространения и популяризации знания о ЗОЖ, фокусные методики расширения стейкхолдеров проектов); проектный механизм в рамках Совета государств Балтийского моря (многоуровневые, многосторонние проекты); со-координационный аппарат поддержки проектов в регионе Совета Баренцева/Евроарктического региона; оценочные и рекомендательные механизмы внутри Арктического Совета.

Вторую группу механизмов интеграционных объединений отличают следующие черты:

- менее детализированная повестка МБ;
- в большинстве случаев менее широкая повестка МБ;
- механизмы обеспечения включают в себя в основном совместную выработку подхода к противодействию вызовам и угрозам, в редком случае - практические меры, однако, они носят либо несистемный характер, либо имеют формальное значение.

При этом механизмы второй группы имеет смысл дифференцировать, в том числе, на два типа: механизмы с более комплексным подходом к пониманию безопасности (более широкая повестка МБ и более разнообразные с точки зрения принципов аналитической категории “методы обеспечения МБ” подходы в Совете Европы и ОБСЕ) и механизмы с

фрагментарным, ограниченным подходом к безопасности (повестка МБ, ограниченная транснациональными угрозами безопасности “порогового” значения (ОДКБ, ШОС); повестка, включающая более широкий спектр угроз человеку и обществу, но не секьюритизирующая их на уровне более высокой мобилизации ресурсов по противодействию (СНГ, ОЧЭС, БРИКС); методы обеспечения МБ исключают максимально превентивные меры/механизмы развития).

Механизмы обеспечения МБ в рамках российской политики содействия международному развитию находятся на стадии становления. Их наиболее “прикладные” методы представлены категорией “техническое содействие”, которое включает в себя: транзит экспертизы, совместную разработку со странами-реципиентами помощи их стратегий противодействия вызовам и угрозам; транзит товаров и услуг в случае с решением конкретных проблем “порогового” значения.

Российский подход к обеспечению “мягкой безопасности” нельзя определить, как комплексный (с точки зрения повестки МБ) и системный (с точки зрения всех аналитических категорий концепции МБ). Так, в сотрудничестве с Европой, будучи членом СЕ, ОБСЕ, СГБМ, СБЕР и АС, Россия использует понятие “мягкая безопасность”¹²⁵ и в большей степени разделяет подход к методам ее обеспечения, несмотря на существующие противоречия с системой (низкий процент вовлечения гражданского общества в программы, ряд разногласий с партнерами в реализации закрепленных договоренностей внутри российского законодательства и правоприменения и др.). В рамках субрегиональной интеграции Нового Севера Россия является ключевым бенефициаром программ МБ, что, вероятно, в том числе, обуславливает включение российской политики в единый вектор подхода. Вместе с тем, приоритеты северных стран в экологическом и социальном секторах Россия активно стремится “разбавлять” вопросами транспортной и энергетической отраслей. Равно, как и в рамках членства в ОБСЕ, российская политика в вопросах МБ регулярно напоминает Европе о договоренностях о либерализации визовых режимов, а в общем диалоге о региональной системе безопасности стремится подчеркнуть важность, прежде всего, обновления и развития военно-политической корзины договоренностей.

125 Статья Министра иностранных дел России С.В. Лаврова "Как преодолеть кризис идентичности". // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ . URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/osce/-/asset_publisher/bzhxR3zkq2H5/content/id/227080 (дата обращения: 10.07. 2017).

В интеграционных процессах в регионе Черного моря, на постсоветском пространстве, в рамках ШОС и БРИКС Россия активно продвигает ограниченную повестку вызовов и угроз МБ (терроризм, наркотрафик, организованная преступность), как правило, не включая в нее широкий спектр вопросов качества жизни человека. К приверженности России парадигме МБ “добавляют” ее инициативы в категории “методы обеспечения МБ” - такие, как механизм проектной деятельности в ОЧЭС или “Гражданский БРИКС”. Однако, не всем форматам свойственно воплощаться в действительно “мягком” и эффективном ключе. Порой подобные инициативы России напоминают скорее адаптацию зарекомендовавших себя на Западе механизмов к несколько более авторитарной политической культуре.

Российская политика содействия международному развитию, в том числе, отличается несколько формальным принятием “правил игры” со смещенными акцентами в сторону политического имиджа государства и геополитическими интересами, что даже в контексте политики “мягкой силы” не представляется эффективным инструментом.

Вместе с тем, продолжающийся транзит российской политики безопасности в сторону социального измерения представляется перспективной внешнеполитической парадигмой с точки зрения а) повышения качества жизни российского населения; политически “мягкой” и эффективной интеграции России в различные мирополитические процессы; б) достижения эффекта, ожидаемого от политики “мягкой силы”.

Практическим наполнением такой политики должны стать: продвижение расширенной повестки безопасности на площадках региональных международных форумов с участием России, особенно в рамках наиболее интенсивно развивающихся из них (ШОС, БРИКС) и механизмы делегирования определенной доли власти гражданскому обществу и частному сектору в решении проблем МБ во всех “коридорах” политики МБ, используя инновационные подходы к социальному моделированию.

Список источников и литературы

Источники:

Арктический Совет. // [Электронный ресурс]. Официальный Арктического Совета.
URL: <http://www.arctic-council.org/index.php/ru/about-us> (дата обращения: 17.03. 2018).

Баренцева Программа 2014 – 2018 гг. [Электронный ресурс]. Баренцев портал. URL: // <https://www.barentsinfo.fi/beac/docs/BarentsProgramme2014-2018BrochureRU.pdf> (дата обращения: 17.03. 2018).

Выступление Д.А. Медведева о Санкт-Петербургской инициативе // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Санкт-Петербургской инициативы. URL: http://spbinitiative.ru/ru/releases/release_medvedev.php (дата обращения: 17.03. 2018).

Выступление директора Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры ШОС Е.С. Сысоева на Форуме ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности в 2017 г. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/2751965 (дата обращения: 01.04. 2018).

Декларация Гоа стран-участниц БРИКС 2016 г. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5139/print> (дата обращения: 01.04. 2018).

Деятельность Совета Европы в Российской Федерации. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/moscow/action-of-the-council-of-europe-in-russian-federation> (дата обращения: 22.03. 2018).

Евразийский фонд стабилизации и развития // [Электронный ресурс]. URL: <https://efsd.eabr.org/grants/> (дата обращения: 16.02.2018).

Интервью директора Департамента новых вызовов и угроз МИД РФ Рогачева И.И. 2017 // Видеоportal журнала «Международная жизнь». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WZFhXT4Q0c8> (дата обращения: 20.08. 2017).

Интервью К. Косачева // [Электронный ресурс]: Газета Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2459978> (дата обращения: 20.02.2018).

Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова о сотрудничестве в Баренцевом регионе. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2964726 (дата обращения: 17.03. 2018).

Интервью Постоянного представителя России при Совете Европы И.Д. Солтановского «Российской газете». // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Совета Европы. URL: https://coe.mid.ru/ru_RU/-/nterv-u-postoannogo-predstavitela-rossii-

pri-sovete-evropy-i-d-soltanovskogo-rossijskoj-gazete-opublikovannoe-19-anvara-2018-goda?inheritRedirect=true&redirect=%2Fru_RU%2F (дата обращения: 22.03. 2018).

Интервью Председателя комитета Совета Федерации по международным делам К. Косачева. // [Электронный ресурс]. Интернет-портал Новостного агентства России ТАСС. URL: <http://tass.ru/politika/2642033> (дата обращения: 22.03. 2018).

Интервью с председателем комитета старших должностных лиц СГБМ С.С. Петровичем и с Генеральным директором Секретариата СГБМ Яном Лундиным. // [Электронный ресурс]. Сайт международного общественного фонда Янтарный мост. URL: <http://ambbr.artinfo.ru:8008/article?id=123> (дата обращения: 17.03. 2018).

Информационные материалы о российском председательстве в СГБМ 2012-2013 гг. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт СГБМ. URL: <http://www.cbss-russia.ru/ru/presidcy/about.html> (дата обращения: 17.03. 2018).

Информационные материалы об Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/ru/whatistheosce/factsheet?download=true> (дата обращения: 25.03.2018).

Информация о структуре Организации Договора о коллективной безопасности. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт ОДКБ. URL: <http://www.odkb-csto.org/structure/> (дата обращения: 25.03.2018).

Каталог сотрудничества Европейского Союза и России в Северо-Западном регионе. ЦЕИ – Центр ЕС, ЕУСПб. Санкт-Петербург, 2012. 80 стр.

Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 // [Электронный ресурс]: Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents//asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/2542248 (дата обращения: 05.07. 2017).

Концепция государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию 2014 // [Электронный ресурс]: Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/64542 (дата обращения: 05.02.2018).

Концепция национальной безопасности 2000 года. // Интернет-газета «Независимое военное обозрение» [Электронный ресурс]. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2000-01-14/6_concept.html (дата обращения: 09.06.2017).

Миссия (не)возможна: возобновление диалога о европейской безопасности. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт ОБСЕ. URL: <https://www.osce.org/ru/magazine/315406> (дата обращения: 25.03.2018).

О политике Российской Федерации на пространстве СНГ // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Совета безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/council/session/2005/> (дата обращения: 25.03.2018).

О программах взаимодействия Россия – Совет Европы. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/rso/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/3011602 (дата обращения: 22.03. 2018).

Об участии главы российской делегации – заместителя Министра иностранных дел России О.В. Сыромолотова в совместном мероприятии ШОС и Управления ООН по наркотикам и преступности // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/ru/sanhajskaa-organizacia-sotrudnicestva-sos-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/3117427 (дата обращения: 01.04. 2018).

Отчет Всемирного экономического Форума 2017 года // [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/dFxFdX> pdf (дата обращения: 05.07. 2017).

Полянский Д. «Северное измерение»: роль и место России // Россия в новом веке: внешнеполитическое измерение: сб. материалов заседаний Экспертного совета Комитета Совета Федерации по международным делам / под ред. А. Коробейникова. М., 2006. «Northern Dimension». [Электронный ресурс]. Northern Dimension official website. URL: <http://www.northerndimension.info/northern-dimension> (дата обращения: 27.02. 2018).

Россия в БРИКС. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт “Гражданский БРИКС”. URL: <http://www.civilbrics.ru/brics/rus-brics.php> (дата обращения: 01.04. 2018).

Россия в совете Европы. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/coe/-/asset_publisher/uUbe64ZnDJso/content/id/3011592 (дата обращения: 22.03. 2018).

Россия и Всемирный банк: международная помощь на цели развития // [Электронный ресурс]: Всемирный банк. URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/brief/international-development> (дата обращения: 16.02.2018).

Сборник новостей Экологического партнерства «Северного измерения» // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Экологического партнерства «Северного измерения». URL: <https://ndep.org/wp-content/uploads/NDEP-News-Issue-39-Russian.pdf> (дата обращения: 14.03. 2018).

Северное измерение. [Электронный ресурс]. Министерство иностранных дел Финляндии. URL: <http://www.finland.org.ru/public/default.aspx?nodeid=36994&contentlan=15&culture=ru-RU> (дата обращения: 27.02. 2018).

Совет Европы пока проживет и без денег из России. // [Электронный ресурс]. Интернет-портал издания Deutsche Welle в России. URL: <http://bit.do/europe-concil> (дата обращения: 22.03. 2018).

Список проектов Экологического партнерства «Северного измерения» // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Экологического партнерства «Северного измерения». URL: <https://ndep.org/ru/projects/> (дата обращения: 14.03. 2018).

Справочная информация о Совете Баренцева/Евроарктического региона. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/sovetsgosudarstv-barenceva/evroarkticeskogo-regiona-sber/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/588584 (дата обращения: 17.03. 2018).

Справочная информация об Организации Черноморского Экономического сотрудничества. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/diverse/-/asset_publisher/zwI2FuDbhJx9/content/organizacia-chernomorskogo-ekonomiceskogo-sotrudnicestva-ces- (дата обращения: 31.03. 2018).

Справочные материалы о Содружестве независимых государств. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт ОДКБ. URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=19397> (дата обращения: 25.03.2018).

Статья издания Коммерсант о двадцатилетии сотрудничества России и Совета Европы. [Электронный ресурс]. Интернет-портал издания Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2911646> (дата обращения: 22.03. 2018).

Статья Министра иностранных дел России С.В. Лаврова "Как преодолеть кризис идентичности". // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/rso/osce/-/asset_publisher/bzhxR3zkq2H5/content/id/227080 (дата обращения: 10.07. 2017).

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. // Министерство иностранных дел РФ. [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/rcWQqN> (дата обращения: 19.07. 2017).

Структура Шанхайской организации сотрудничества. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт ШОС. URL: <http://rus.sectesco.org/structure/> (дата обращения: 01.04. 2018).

Структура Шанхайской организации сотрудничества. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт ШОС. URL: <http://rus.sectesco.org/structure/> (дата обращения: 01.04. 2018).

Устный телефонный комментарий заместителя начальника управления по содействию международному развитию (Россотрудничество) Ермолова М.О. в рамках предпринятой автором попытки запросить информацию о российских программах СМР.

Центр международного сотрудничества по развитию образования // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ciced.ru/o-tsentre/> (дата обращения: 20.02.2018).

Церемония пуска в эксплуатацию Юго-Западных очистных сооружений. // [Электронный ресурс]. Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23185> (дата обращения: 14.03. 2018).

Action Plan accompanying the NDPHS Strategy 2020 // [Электронный ресурс]. Official website of NDPHS. URL: http://www.ndphs.org/internalfiles/File/About_NDPHS/Action_Plan_accompanying_the_NDPHS_Strategy_2020.pdf (дата обращения: 14.03. 2018).

Conclusions of the informal meeting of The BSEC working group on health care and pharmaceuticals in 2016 // [Электронный ресурс]. Official website of BSEC. URL: <http://www.bsec-organization.org/aoc/healthcarepharma/Reports/00%20Draft%20Report%20WGHP%2024%20November%202016.pdf> (дата обращения: 31.03.2018).

Council of the Baltic Sea States. // [Электронный ресурс]. Official website of CBSS. URL: <http://www.cbss.org/council/> (дата обращения: 17.03. 2018).

Northern Dimension Partnership in Public Health and Social Well-being // [Электронный ресурс]. Official website of NDPHS. URL: http://www.ndphs.org/?about_ndphs (дата обращения: 14.03. 2018).

Progress Report for 2008 of Northern Dimension Partnership in Public Health and Social Well-being // [Электронный ресурс]. Official website of NDPHS. URL:

http://www.ndphs.org/internalfiles/File/About_NDPHS/Progress%20Reports/NDPHS_progress_report_2008.pdf (дата обращения: 14.03. 2018).

Progress Report for 2008 of Northern Dimension Partnership in Public Health and Social Well-being // [Электронный ресурс]. Official website of NDPHS. URL: http://www.ndphs.org/internalfiles/File/About_NDPHS/Progress%20Reports/NDPHS_progress_report_2008.pdf (дата обращения: 14.03. 2018).

PSF Funded Projects 2013-2015 // [Электронный ресурс]. Official website of CBSS. URL: <http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2012/11/PSF-FUNDED-PROJECTS-OVERVIEW-2013-2015-2016.pdf> (дата обращения: 17.03. 2018).

Regional review on legal framework for a green economy within The BSEC member States. // [Электронный ресурс]. Official website of BSEC. URL: <http://www.bsec-organization.org/aoc/enviroprotect/Pages/130129%20MEMO%20014%20-%20Attachment%201%20reduced%20size%20for%20website.pdf> (дата обращения: 31.03.2018).

Report of the 15th European Conference on Public Health // [Электронный ресурс]. Official website of NDPHS. URL: http://www.ndphs.org///documents/477/SIHLWA_4-3-Info_3__EUPHA_Oct_2007_Conference_&_NDPHS_WS.pdf (дата обращения: 14.03. 2018).

Report of the meeting of the BSEC working group on Institutional Renewal and Good governance in 2017. // [Электронный ресурс]. Official website of BSEC. URL: <http://www.bsec-organization.org/aoc/Institutionalrenewal/Reports/Report%20Sofia2017.pdf> (дата обращения: 31.03.2018).

Safe&secure region. // [Электронный ресурс]. Official website of CBSS. URL: <http://www.cbss.org/safe-secure-region/> (дата обращения: 17.03. 2018).

Soft security and migration Conference report. // [Электронный ресурс]. Council of the Baltic Sea states. URL: <http://www.cbss.org/wp-content/uploads/2017/12/REPORT.pdf> (дата обращения: 01.04. 2018).

Work Plan of Northern Dimension Partnership in Public Health and Social Well-being for 2013 // [Электронный ресурс]. Official website of NDPHS. URL: http://www.ndphs.org/internalfiles/File/About_NDPHS/Work%20Plans/NDPHS_Work_Plan_for_2013.pdf (дата обращения: 14.03. 2018).

Выступление Постоянного представителя Российской Федерации при ООН В.А. Небензи на заседании Совета Безопасности ООН по пункту повестки дня «Мир и безопасность в Африке» 15.08.2017 // [Электронный ресурс]. URL: [Электронный

ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=9-U9V_AS2HY (дата обращения: 21.08 2017).

Выступление Министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова на конференции «Безопасность и стабильность в регионе ШОС» 03.06.2015 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tUXYKNegsz0> (дата обращения: 19.07. 2017).

Литература:

Асташин В.В. Новые подходы к безопасности в международных исследованиях. // Материалы V Конвента РАМИ. Мировая политика: взгляд из будущего. Том 19. М. 2009 . [Электронный ресурс]. URL: <http://www.old.mgimo.ru/files2/p2/176102/5e1020c692901d1a46ef2cb1920fd82b.pdf> (дата обращения: 27.11.2016).

Бартенев В. Связка «безопасность-развитие» в современных западных исследованиях от деконструкции к контекстуализации. // Международные процессы. 2015. Т. 13, вып. 3. С. 78-97.

Бартенев В.И. Формирование глобальной повестки дня в сфере устойчивого развития после 2015 года // Вестник международных организаций. Т. 10. №3. 2015. С. 7 – 32.

Бартенев В.И. Секьюритизация сферы содействия международному развитию: анализ политического дискурса // Вестник международных организаций. 2011. № 3. С. 37–50

Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.obraforum.ru/book/chapter1.htm> (дата обращения: 05.07. 2017)

Белецкая М.Ю. Российское содействие международному развитию: оценки и перспективы // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2015. С. 138-156

Бусыгина И.М., Филиппов М.Г. «Северное измерение: стратегии участников» // Балтийский регион. 2009. №1. - С. 55-63.

Глазунова Е. Н. Связка безопасность – развитие: рождение концепта и его эволюция в годы холодной войны // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. –2016. – № 1. – С. 8 – 38.

Горный М. Мягкая безопасность – балтийское измерение // [Электронный ресурс]: Публичная политика - 2004. Сб. ст. / под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб., 2004. URL: <http://www.strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=442> (дата обращения: 10.07.2017).

Дегтерев Д.А. Российская Федерация как новый международный донор: дилеммы идентичности // Вестник международных организаций. 2013. № 2. С. 69–85.

Демьяненко Ю.А. Роль России в Северном измерении: социально-экономический и политический аспекты // Вестник БИСТ. 2012. - №2. - С. 30-36.

Зайцев Ю.К. Проблемы эффективности содействия международному развитию: теоретические и практические аспекты // Вестник международных организаций. 2011. № 3. С. 105–118.

Лебедева М.М. «Мягкая сила» в отношении Центральной Азии: участники и их действия // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. - №2. – С. 48

Левкин Е.В. Возможности повышения потенциала российских институтов содействия международному развитию на основе трехстороннего сотрудничества // Вестник международных организаций. 2012. № 2. С. 86–100.

Макарычев А.С. Безопасность как феномен публичной политики: общие закономерности и проекции на балтийский регион. 2003 [Электронный ресурс]. URL: http://net-conf.org/articles_text_2.htm (дата обращения: 19.07. 2017).

Максимова А.В. Смена приоритетов в стратегиях ведущих доноров международной помощи в 2014 – 2016 гг.: Цели устойчивого развития и фактор безопасности // Вестник РУДН. Серия «Международные отношения». 2016. Т. 16 № 3. С. 521 – 537.

Максимова А.В. Что ценим, то и оцениваем: оценка результативности содействия международному развитию // Вестник международных организаций. 2015. № 1. С. 56–79

Маркушина Н. Ю. Северная безопасность и концепция "Нового Севера" // Обозреватель-Observer. - 2011. - N 4. - С. 92-100.

Маркушина Н.Ю. Вопросы мягкой безопасности в контексте «Северного измерения» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2011. - №2. - С. 107-116.

Михайлова Ю.В., Короткова А.В., Лисицына М.М. Сравнительный анализ проблем и приоритетов развития здравоохранения субъектов Северо-западного федерального округа России и основных направлений стратегии партнерства «Северное измерение» в области общественного здравоохранения и социального благополучия // [Электронный ресурс]. Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения». – 2013. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/493/27/lang,ru/> <http://www.cbss.org/council/> (дата обращения: 14.03. 2018).

Нил К., Маркова С.В. Аналитический обзор по информационно-коммуникационной стратегии для российской программы содействия международному развитию: анализ опыта стран-доноров // Вестник международных организаций. 2011. № 2. С. 65–94

Попова О.П. Содействие международному развитию и его роль в разрешении социально-экономических проблем современности // Сборник научных трудов участников Международной конференции «XXIV Кондратьевские чтения «Социально-экономические проблемы современности: поиски междисциплинарных решений». 2017. С. 285–289.

Радиков И.В. Ресурсы и потенциал российского влияния на систему международной безопасности // Вестник СПбГУ серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2013. – выпуск 3. – С. 71

Рахмангулов М.Р. Становление системы содействия международному развитию в России // Вестник международных организаций. 2010. № 2. С. 196–215.

Рыхтик М.И. Эволюция понятия «безопасность»: от «жестких угроз» до «мягких вызовов» // Современные проблемы мировой политики: Безопасность, конфликты и их анализ / Под ред. М.М. Лебедевой; Ин-т «Открытое общество». М.: Аспект Пресс, 2002.

Сергунин А.А. Международная безопасность: новые подходы и концепты // Полис: Политические исследования. 2005. №6. С.128

Соловьев Э. Г. «Человеческая безопасность» и «мягкая сила» во внешней политике РФ // Вестник Московского ун-та. Серия: Политические науки. 2010. № 4. С. 72

Цыганков А. П., Цыганков П. А.. Социология международных отношений: Анализ российских и западных теорий: Учебное пособие для студентов вузов. — М.: Аспект Пресс. — 238 с.. 2006

Цыганков П. А. Теория международных отношений. — М.: Гардарики, 2002, стр. 159

Юдин Н. В. Связка безопасность – развитие: проблемы теоретического осмысления // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – Т. 8, № 1. – С. 39–71.

Bjørn M. European Security: The Roles of Regional Organisations. // Ashgate Publishing. 2012. С. 1 [Электронный ресурс] URL: <https://goo.gl/eMWmrn> (дата обращения: 05.07.2017).

Dordevic S. Understanding transnational organized crime as a Security threat and Security Theories.// Western Balkans Security Observer. 2009. № 13. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.ccmr-bg.org/upload/document/1001251301_western_balkans_sec.pdf (дата обращения: 19.04.2016)

Fatic A. Conventional and unconventional – ‘hard’ and ‘soft’ security: the distinction // [Электронный ресурс]. URL: www.boeckler.de/.../South-East_Europe_Review-2002-03-p93.pdf (дата обращения: 19.04. 2016)

Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research. //Journal of Peace Research, Vol. 6, No. 3 (1969), pp. 167–191

H. Bul, *The Anarchical Society: A Study of Order in World Politics*, С 19

Kavaliūnaitė S. Comparative analysis of concepts “soft security” and “soft power” in EU legislation //Mykolas Romeris University. 2002 – 2013. [Электронный ресурс]. URL:<https://repository.mruni.eu/handle/007/12172?show=full> (дата обращения: 19.07. 2017)

Lindley-French J. The Revolution in Security Affairs: Hard and Soft Security Dynamics in the 21st Century. // *European Security*, vol. 13, 2004.

Makarychev A. Hard, Soft, or Human? Security Discourses in The EU, NATO and Russia // [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/RDxXao> (дата обращения: 14.07. 2017).

Misiroli A. New security challenges and EU responses. // [Электронный ресурс]. URL: wiscnetwork.org/ljubljana2008/getpaper.php (дата обращения: 10.05.2016)

Monaghan A. Russian Perspectives of Russia-EU Security Relations // *Russian Studies and Research Center, Russian Series*, № 5/38. 2005. // [Электронный ресурс]. URL: <http://studies.agentura.ru/centres/csrc/perspectives.pdf> (дата обращения: 10.07.2017).

Nye Joseph S. Putin’s Rules of Attraction // Project Syndicate. 1995 – 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://goo.gl/mf9gs1> (дата обращения 05.03. 2016).

Opitz A., Troy J. Enlargement and Soft Security: the EU in the Western Balkans // [Электронный ресурс]. URL: wiscnetwork.org/ljubljana2008/getpaper.php (дата обращения: 10.05.2016)

Raffa M. Soft Security: Definition and Conceptual Problems. // [Электронный ресурс]. URL: <http://foreignpolicy.it/adon.pl?act=doc&doc=4782> (дата обращения: 19.04. 2016)1.

Rosenau James N. *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*. Princeton University Press, 1990. Pp. 480.

Selim M. Arab perceptions of Hard and Soft Security Threats // [Электронный ресурс]. URL: (www.afes-press-books.de/pdf/Istanbul/Selim_abs.pdf) (дата обращения: 10.05.2016)

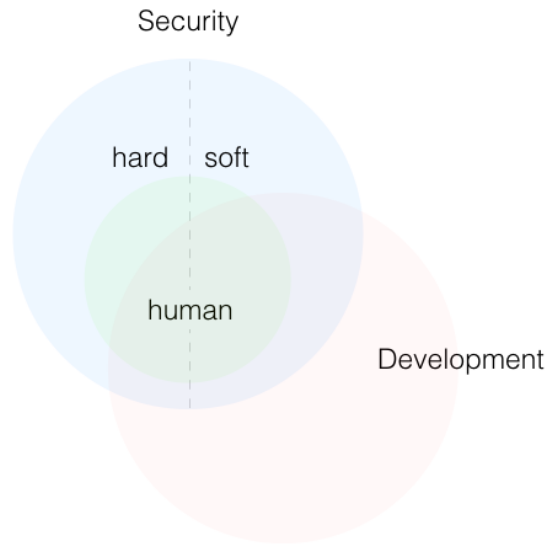
Vreÿ F. Revisiting the soft security debate: From European progress to African challenges. // [Электронный ресурс]. URL: http://www0.sun.ac.za/sdorm/index2.php?option=com_docman&task=doc_view&gid=73&Itemid=26 (дата обращения: 19.04.2016)

Weiss T. Nové bezpečnostní hrozby a aktivity Evropské unie v oblasti soft a hard security // [Электронный ресурс]. URL: http://www.europeum.org/doc/arch_eur/tweiss_soft_a_hard_security.pdf (дата обращения: 10.05.2016)

Yorulmaz M. Russia's Soft Security Policy 2000-2012 // Портал Университета Штефана Чел Маре [Электронный ресурс]. URL: http://atlas.usv.ro/www/codru_net/CC18/2/yorulmaz.pdf (дата обращения: 12.07.2017).

Ziyal U. Re-Conceptualization Of Soft Security And Turkey's Civilian Contributions To International Security // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.turkishpolicy.com/images/stories/2004-02-globalsecurity/TPQ2004-2-ziyal.pdf> (дата обращения: 19.04. 2016)

Приложение 1

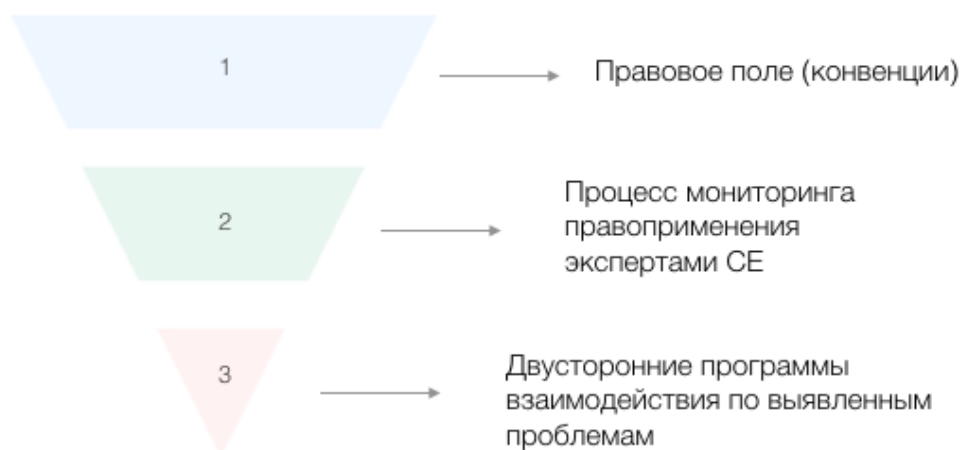

Приложение 2

Приложение 3

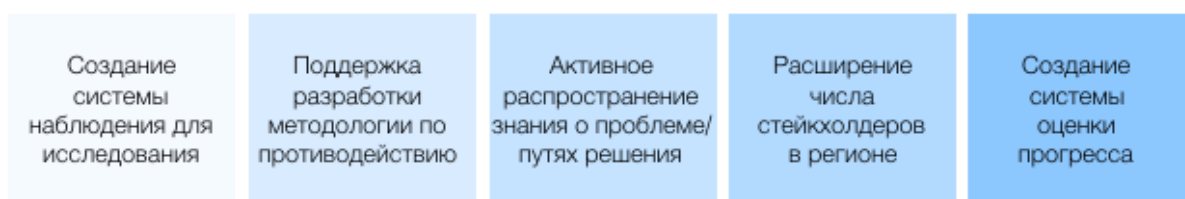
Трехактный механизм обеспечения «мягкой безопасности» государств - членов Совета Европы

Приложение 4

Партнерство Северного измерения в области здравоохранения и социального благополучия

Усредненный* механизм работы экспертной группы

* В цепочке представлен полный цикл (максимальное число форматов) реализации задачи в рамках достижения Плана действий NDPHS. Каждая отдельная задача включает в себя свое уникальное количество представленных форматов и в своей уникальной последовательности.

Приложение 5

Пример механизма обеспечения «мягкой безопасности»
в рамках Совета государств Балтийского моря

Проект «Укрепление роли муниципалитетов в борьбе с
торговлей людьми в регионе БМ»

